
ПРОШЛОЕ
НЕ УХОДИТ.
ОНО ПРОСТО
ЖДЁТ.
КТО ЗНАЕТ
ДЖУЛИ?
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
АНА СОРЕН

Ана Сорен
Кто знает Джули?

https://litres.ru/74709342
SelfPub; 2026

Аннотация

У каждого прошлого есть свои секреты. Некоторые лучше никогда не раскрывать.

Джули давно научилась жить обычной жизнью, оставив воспоминания позади. Работа, дружба, привычные будни — казалось, ничто больше не способно нарушить равновесие, которое она так долго пыталась обрести.

Но однажды в её почтовом ящике оказывается письмо. Несколько строк — и прошлое, которое она считала давно похороненным, вновь напоминает о себе. Вместе с ним возвращаются страхи, тайны и люди, которых Джули предпочла бы никогда больше не встречать.

А затем появляется Райан — человек, которого она когда-то любила и которого так и не смогла окончательно отпустить.

Теперь ей предстоит разобраться не только в том, что произошло много лет назад, но и в собственных чувствах. Где заканчивается любовь и начинается одержимость? Кому можно доверять, если даже собственные воспоминания больше не кажутся надёжными? И сколько правды способен выдержать

человек, прежде чем она разрушит всё, что он пытался построить заново?

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 9
ГЛАВА 2 41
ГЛАВА 3 75
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Кто знает Джули?

ПРОЛОГ

Этим августовским вечером ливень стеной лупит в стёкла, но даже он не способен сбить изводящий зной. Из окон несёт душным паром: размокшей пылью, раскалённым асфальтом и едкой гарью плавящегося города. Я всё гадала, почему природа так беснуется, будто наступает конец света. А оказалось, настоящее бедствие ждало меня не снаружи, а прямо в стенах этого дома.

Я знала, что моя жизнь отравлена с самого начала. Знала с первой секунды, когда вырвалась из тёплой темноты в ледяной, залитый ослепительным светом мир. Мой первый плач не был гимном жизни. В нём не было ни капли младенческой чистоты — только животный, пронзительный ужас человека, который с первым же вдохом осознал, к кому его отправили. Я кричала, потому что моим первым домом стала Маргарет.

Но даже знание своей судьбы не спасает от тупого, парализующего шока. Сознание отслаивается от тела, превращая происходящее в чужой фильм. Я словно сижу в душной темноте зала, наблюдая за глупой актрисой на экране: та стоит под надвигающейся снежной лавиной, хлопает ресницами и не понимает, что через секунду её заживо погребёт под толщей льда. Мне хочется закричать ей: «Беги! Беги, пока ты

ещё дышишь!»

Поймав себя на этой мысли, я решаю, что мне тоже пора поскорее выбираться отсюда. Быстрыми, резкими движениями срываю одежду с вешалок и остервенело бросаю в рюкзак, попутно ударяясь об окружающие предметы. Времени совсем не остаётся. Боль от ударов почти не ощущается, её заглушает адреналин, гулко бьющийся где-то под кожей. Мне остаётся только одно — бежать, пока тело ещё слушается.

Разобравшись с вещами, я выбегаю на задний двор и навсегда прощаюсь со своей прежней жизнью. Убегаю не оборачиваясь. Это я твердила себе с самого начала: «Только не смотри назад». Нет смысла страдать и отрицать происходящее.

Всплывает в памяти то, с чего всё начиналось: тогда я понятия не имела, чем это обернётся. Я ведь могла позволить ему уйти. Наверное, именно это и нужно было сделать. Но я остановила его, не понимая, что одним коротким «Останься» впускаю в нашу реальность то, отчего потом сама не смогу выкарабкаться.

Разрушила ли я всё сама? О да. Иначе и быть не могло. Я никогда не строила иллюзий о нормальных днях, не грезила благополучием. Маргарет, накидавшись дешёвым джином, любила потрошить мне душу: «Моя бедная Джули... Ты как охапка самых красивых цветов. Смотреть приятно, а толку никакого. И сгниёшь ты так же быстро». Я оправдала её про-

рочество. Хорошей девочкой я пробыла недолго.

И всё же сейчас, когда единственным спасением остаётся побег без оглядки, где-то под рёбрами заскрёбся жалкий, скулящий комок. Сожаление? Едва ли. Позже я буду сотни раз возвращаться в этот вечер, выискивая точку невозврата — тот самый миг, когда ещё можно было всё изменить.

Я бегу вверх по склону за нашим домом. Оттуда город всегда как на ладони. Из спутанных, жёстких трав пробиваются поздние хризантемы; их приторно-пряный аромат смешивается с запахом земли после дождя и сырым осенним ветром. Раньше я любила забираться сюда, садиться прямо на мокрый дёрн и смотреть, как внизу зажигается чужая, недоступная жизнь. Отсюда город казался далёким созвездием. Я представляла, как вырвусь из этой мышеловки, окажусь на краю океана — среди солёного ветра, крика чаек и бескрайней, равнодушной воды, где ни Маргарет, ни эта суша больше никогда не достанут меня.

Но сегодня я бегу на холм не за мечтой, а за забвением. Я ищу портал в другое измерение, где можно содрать с себя прежнюю кожу и очнуться кем-то новым — без прошлого, без грехов, без этой жгучей боли. За гребнем холма начинается густой, непроглядный массив леса. Я несусь туда, чтобы окончательно раствориться в его тени, словно меня никогда и не существовало.

И вдруг на самом взлёте воспоминания накрывают меня с такой дикой силой, что лёгкие просто схлопываются. Я резко

замираю, хватая ртом холодный воздух. Удар сердца, два судорожных вдоха... и я нарушаю собственную клятву. Я оборачиваюсь.

В эту секунду свет фар освещает улицу, а оглушающий вой сирены разрывает тишину.

ГЛАВА 1

5 лет спустя...

— Давай поспорим: если ты сегодня разобьёшь хоть одну тарелку — если хоть одна чашка звонко разлетится вдребезги, — ты будешь должна мне любое желание! — Флоренс приставляет ладонь ко лбу, соорудив импровизированный козырёк.

От палящего солнца это не спасает, поэтому она всё равно смешно морщит носик. Подруга одаривает меня хитрым взглядом и протягивает свою тонкую, аккуратную ладонь, предлагая закрепить наш идиотский договор.

Чего мы только не придумываем, чтобы не сойти с ума в перерывах между наплывами клиентов и хотя бы на пять минут сбежать от бесконечных: «Вы готовы сделать заказ?», «Позвольте порекомендовать наше новое блюдо», «Вас посчитать вместе или раздельно?». Я вкалываю в уютном японском ресторанчике в самом центре Бостона. Народу здесь всегда невпроворот — хоть в унылый понедельник, хоть в шумную субботу. Среди бесконечных подносов, тарелок с сашими и клубов пара от горячих блюд потерять себя проще, чем ключи от квартиры.

— Ладно, — пожимаю я плечами. — Но если по какому-то нелепому капризу этой вселенной я весь день пролетаю с подносами с грацией цирковой артистки, ты целый ме-

сяц после закрытия будешь отвозить меня домой.

Флоренс замирает с открытым ртом и медленно склоняет голову набок. Отвозить меня домой после каждой смены означает ровно одно: никакого джина после окончания работы. Так-то, дорогуша. Спорить — так по-крупному!

— Пускай будет по-твоему, мисс Сама Грация! — Флоренс театрально складывает ладони у груди, будто собирается прочитать молитву за упокой моей гордости, и возводит глаза к небу. — Но я-то тебя знаю. Сегодня вечером мы всей сменой посмотрим, как ты будешь танцевать тверк после закрытия. Или, что ещё лучше, пойдёшь да снимешь какого-нибудь симпатичного парня.

— Ну, во-первых, это нарушает правила нашего заведения. — Я затягиваюсь, тушу сигарету о край урны и скептически смотрю на подругу. Если Эллиот, наш управляющий, застанет меня за фокусами с соблазнением клиентов, он выставит меня на улицу быстрее, чем я успею сказать «аригато». — А во-вторых...

— Ой, да брось! — Флоренс отмахивается от моих доводов, как от назойливой мухи. — Эллиот дальше своего носа ничего не видит. Мы просто тихонечко повеселимся. Или ты просто до смерти хочешь потрясти задницей под музыку перед публикой? — Подруга смотрит на меня с лукавой ухмылкой.

— О да, просто сгораю от нетерпения, — ядовито шиплю я в ответ. — Тогда и кадрить никого не придётся. Все муж-

чины в зале тут же упадут ниц, и я пройдусь по ним, как по ковровой дорожке.

Я принимаюсь вышагивать по двору с грацией модели «Виктория Сикрет». Флоренс не выдерживает и хохочет так громко, что её смех звонким эхом разносится между кирпичными стенами задворков ресторана.

Но на секунду внутри всё сжимается. Если мои руки и координация всё-таки подведут, мне реально придётся танцевать перед гостями. Или — что в миллион раз хуже — пытаться изображать флирт с парнями. Я никогда не считала себя красоткой, а уж тем более той смелой, развязной девчонкой, которая может без лишних прелюдий снять парня на одну ночь, а утром выставить его за дверь, даже не запомнив лица.

Вот у Флоренс уверенности и бешеной харизмы с избытком. Она способна выглядеть сногсшибательно даже в самый паршивый день цикла, а мужчины падают к её ногам буквально по щелчку пальцев. Настоящий талант! Я часто наблюдала за ней с приоткрытым ртом, пытаясь разгадать эту магию: как можно так легко вскружить парню голову, очаровать его до потери пульса, а на следующий день даже не вспомнить его имени.

Но со временем я пришла к одному весьма неутешительному для себя выводу. У таких людей, как Флоренс, этот дар вшит в ДНК с рождения. И дело вовсе не в умении цеплять парней, а в чём-то куда более глубоком. Это внутрен-

ний свет, к которому окружающие тянутся, как мордочки котов к редким лучам солнца. Внутреннее притяжение. Уверенность, которую родители вколачивают ребёнку с пелёнок, чтобы он осознал свою ценность раньше, чем научится выговаривать собственное имя.

А значит, мне никогда не узнать, каково это — сидеть в шумной компании, когда все вокруг мгновенно замолкают, стоит тебе открыть рот, а после взрываются хохотом над твоей шуткой. Каково это — весь вечер украдкой ловить взгляд того самого, а потом наблюдать, как он уверенно направляется к твоему столику.

Впрочем, справедливости ради, я никогда и не рвалась собирать вокруг себя толпы фанатов. Для жизни мне с головой хватает Флоренс и Рикко — нашего бармена, который всегда без лишних вопросов нальёт сливовый хайбол и отработает бесплатным психотерапевтом.

Сливовый хайбол — сладкий, как спелая мякоть, и одновременно терпко-кислый коктейль — лучший напиток в нашем заведении. Гармония в чистом виде.

Я до сих пор помню тот день, когда впервые попробовала его. Обычно я не позволяю себе расковыривать старые шрамы и завывать над прошлым, но в тот вечер я ненавидела свою жизнь с какой-то особой жестокостью. Под закрытие я решила пропустить пару бокалов чего-нибудь сшибающего с ног, лишь бы не оставаться наедине с мешаниной в собственной голове.

— Рикко, скажи, как можно быть настолько законченной неудачницей? — выдавила я, глотая слёзы. — Я будто магнитом притягиваю дерьмо со всей планеты. Да-да, я знаю: дети в Африке голодают, сексуальное рабство процветает, и скоро нас всех накроет метеоритом или доконает глобальное потепление. Но в масштабах моей убогой жизни всё, что со мной происходит, — это катастрофа.

Громко всхлипнув, я вытерла мокрый нос рукавом растянутой кофты и подняла опухшие глаза на бармена. Чтобы хоть как-то зацепиться за реальность и не разрыдаться окончательно, я принялась изучать его татуировку — тёмную змею, которая фактурными кольцами обвивает его руку от самого плеча до запястья.

— Дорогая, я уж точно не знаю, какая именно муха тебя укусила, но вряд ли всё настолько паршиво, как ты говоришь. Помни: за чёрной полосой всегда следует белая. Наша жизнь — это старые американские горки: сначала ты несёшься носом в пол, а в следующую секунду тебя уже выворачивает от дикого восторга на вираже.

Я сквозь слёзы улыбнулась бармену.

— Слушай, давай-ка сделаем так, — предложил он, смахнув полотенцем воображаемую пылинку со стойки. — Я налью тебе лучший коктейль в этом заведении, ты насладишься им, скажешь дядюшке Рикко «спасибо», а потом поплетёшься домой и постараешься вырубиться. Это просто паршивый день. Но прелесть в том, что даже самые ужасные дни

имеют свойство заканчиваться.

Мужчина говорил со мной тихим, обволакивающим голосом. В его взгляде читалась откровенная, нескрываемая жалость к моему состоянию. Впрочем, мне было глубоко плевать. Пускай жалеет. В конце концов, я — молодая девушка в самом расцвете своей невостребованной сексуальности — проводила вечер пятницы не в объятиях горячего парня, а за стойкой, накидываясь до состояния овоща в компании усатого бармена.

— Держи. Это эксклюзивно для тебя, — бармен подвинул ко мне высокий гранёный бокал. На его дне плавали кубики льда, выточенные с такой идеальной точностью, что своей прозрачностью они напоминали настоящий горный хрусталь.

Вдруг мой и без того пьяный мозг окончательно расклеился, и я принялась рыдать с новой, удвоенной силой.

— Ну ты чего, эй? — попытался отшутиться Рикко, спасая ситуацию. — На моей памяти ещё никто не рыдал от того, насколько красив коктейль в моём исполнении!

— Не-е-ет... — всхлипнула я, вытирая щёки. — Я же прямо как эти льдинки! Так же болтаюсь на самом дне, и в конечном итоге от меня тоже ничего не останется... Я просто растворюсь в собственных мучениях и перестану существовать.

В тот момент я правда не могла найти ничего более точного, что описало бы мою жизнь лучше, чем этот тающий

лёд на дне стакана.

— Попробуй, — отчеканил Рикко. — Обещаю, равнодушной ты не останешься.

Тогда мне показалось, что ему действительно не терпелось услышать мою оценку. Раз уж это было для него важнее, чем обсуждение моей разрушенной жизни, я сделала первый глоток. И замерла. Вкус был поразительным — невероятно сладким и одновременно дерзко-кислым. Мой шок был настолько сильным, что слёзы высохли сами собой.

— Обалдеть, Рикко... — Я разом осушила бокал и довольно уставилась на бармена-волшебника. — Это правда самый вкусный напиток из всего, что я пробовала!

— То-то же, моя дорогая, — ухмыльнулся он. — А теперь ответь: ты заметила, как один вкус балансирует с другим — прямо на грани? Как они сливаются в идеальном танце?

Рикко навалился грудью на барную стойку и пристально посмотрел в мои абсолютно ничего не понимающие глаза:

— Они не спорят между собой. Не пытаются доказать: «Эй, подруга, я слаще, а значит, я лучше!». Каждый остаётся собой, уважая другого, и в итоге человек получает безупречный вкус. Это, моя хорошая, называется гармонией. И ровно так всё устроено в жизни. Ты придаёшь слишком много значения дерьму, совершенно не оставляя места для нормальных вещей. Но без тьмы не бывает света. Только ощущая обе эти стороны, можно прожить жизнь на полную. Я более чем уверен, что в твоей жизни прямо сейчас есть тот самый свет.

Просто ты упорно смотришь в одну точку и отказываешься даже на секунду повернуть голову, чтобы увидеть, как прекрасен этот мир.

Я слушала Рикко, раскрыв рот. Не зря говорят, что бармен — это не просто парень, которому кричат: «Эй, дружище, где мой виски?». Бармен — это настоящий психотерапевт. Как любил повторять сам Рикко: «Я наливаю не алкоголь, я наливаю душу в твой бокал».

Вот и в тот раз он налил мне не просто сливовый ликёр с содовой, а целый экзистенциальный смысл.

— Рикко, ты же гений! — выдохнула я, не веря собственным ушам. — Как тебя вообще угораздило пойти в бармены с таким чутким сердцем? Тебе же в кресло психолога надо!

Я не могла подобрать нужных слов, чтобы выразить всю глубину своей благодарности и дать ему понять: его импровизированная терапия не прошла мимо моих затуманенных ушей.

Позже, когда я уже изрядно надралась и с трудом вылезала из-за барной стойки — готовая устроить местному таксисту незабываемое шоу с пьяной, рыдающей девушкой, — Рикко окликнул меня у самого выхода:

— Джули, эй! Улыбнись мне прямо сейчас. И пообещай, что завтра ты проснёшься, посмотришь в зеркало и скажешь себе: «Ух ты, что это? Да это же самый лучший день в моей жизни!». Настрой свои мозги на позитив, слышишь?

Он покрутил указательными пальцами у висков, словно

заставляя ржавые шестерёнки в моей голове крутиться в обратную сторону.

Я, в свою очередь, честно пообещала проснуться и улыбнуться — как бы глупо это ни звучало со стороны. Напоследок одарила его самой ослепительной улыбкой, на которую только была способна в своём нетрезвом состоянии, и отсалютовала дружищу Рикко.

Этот момент потом настолько часто всплывал в моей памяти, что я буквально слышала голос Рикко каждый раз, когда меня накрывало желание поплакаться на судьбу. Каждое утро я искренне обещала себе, что сегодняшний день станет прорывом.

Именно поэтому я решительно отмахиваюсь от волны паники, которая подкатывает к горлу из-за нашего спора с Флоренс. Да плевать! Даже если я перебью всю посуду на этой чёртовой кухне и буду торчать ей целую сотню желаний — каждое из них принесёт мне веселье!

Но, на удивление, мои руки работают идеально. За весь день я не роняю ничего, что могло бы с треском разлететься по кафелю, и чувствую себя виртуозной фигуристкой на льду. Я грациозно лавирую между тесными столиками и другими официантами, с лёгкой руки ставлю перед гостями тяжёлые графины с ледяной водой и хрупкие заварочные чайники, заполняющие зал пряным ароматом.

Я уже спешу к очередному столику, когда тишину зала буквально разрывает недовольный, хамский выкрик:

— Какого хрена я должен ждать свой заказ так долго? Грёбаные идиоты, а не официанты!

Гость бушует вовсю. Официанты тут же начинают переглядываться, с паникой пытаясь вычислить виновника, заставившего этого ублюдка ждать.

— Сорок минут я сижу и жду свою еду! — не унимается мужчина, колотя ладонью по столу.

Мой взгляд скользит по его фигуре и замирает на весёлом жёлтом галстуке в гавайском стиле, надетом поверх ярко-красной рубашки. И вся кровь в моих венах превращается в лёд.

До меня отчётливо доходит: я как раз рассматривала причудливого попугая на его галстуке и вспоминала тот вечер с Рикко, пока гость диктовал мне свой заказ. Я с головой ушла в тот вечер, смакуя слова бармена о жизни, и полностью выпала из реальности.

— Ты, рыжая! — указывает в мою сторону посетитель, и я с мрачным удовлетворением отмечаю, как от злости побагровело его лицо. — Глянь-ка, очнулась! Это ты меня обслуживала? А я-то думал, тут в зале интерьер обновили и поставили говорящую вешалку для одежды, а это, оказывается, официантка!

Я сжимаю зубы, собираясь с духом. Чтобы не выдать всё, что о нём думаю, приходится судорожно напомнить себе: мне нужна эта работа.

— Сэр, приношу вам свои искренние извинения. — Я на-

спех выуживаю из кармана фартука блокнот и ручку, чтобы наконец записать заказ и принести его до того, как этот тип разнесёт заведение.

Наш ресторанчик, конечно, не претендует на звание самого лучшего, но славится отменной японской кухней, ради которой люди тащатся с другого конца Бостона. Будто у них под боком нет мест, где подают мисо-суп, тонкацу или кастеллу — бисквит, который наши завсегдатаи за его насыщенный медовый вкус возвели в ранг лучшего десерта в городе.

— Засунь свои извинения себе в одно место! — фыркает гость.

Я мысленно прикидываю, что мне будет, если я от души огрею его по голове тяжёлым стеклянным графином. Наверное, Орле, нашей уборщице, не придётся и пальцем о палец ударить, чтобы убраться. Из пустой головы мозгов не вылетит.

Но рисковать работой всё же не хочется. Поэтому я отключаю эмоции и обслуживаю этого хама по высшему разряду, спалив на это весь свой дневной запас душевного спокойствия за считанные секунды.

Но когда, расправившись со своей едой, гость спокойно поднимается и направляется прямиком к выходу, даже не подумав достать кошелёк, я буквально теряю дар речи.

Я коршуном бросаюсь через зал и в последний момент перекрываю собой дверной проём.

— Сэр, вы не оплатили счёт. — Я выжимаю из себя максимум твёрдости, хотя, стоя вплотную к нему, чувствую себя уязвимой и мелкой. С моим-то ростом...

— Что? — фыркает он, смерив меня презрительным взглядом сверху вниз. — Может, тебе ещё и чаевых отстегнуть?

— Нет. Но счёт... — Моё самообладание, которого ещё минуту назад было хоть отбавляй, стремительно испаряется.

— Странно. Я слышу какой-то мышиный писк, но никак не могу понять, откуда он доносится, — мужчина демонстративно крутит головой, делая вид, что ищет источник звука где-то у моих ног.

— Сэр, давайте поступим так: сейчас я позову управляющего, и вы сможете высказать все свои недовольства лично ему. И даже написать разгромный отзыв о моей ужасной работе на нашем сайте. Но за еду всё равно придётся заплатить. — Я стараюсь держать лицо и действовать исключительно по инструкции.

Да, пускай накатает жалобу. Вряд ли Эллиот выставит меня на улицу за один мелкий проступок. Он смилуется — я в этом уверена.

— Уйди с дороги, — с угрозой в голосе цедит громила, не намереваясь уступать. — Или ты хочешь, чтобы о вашей убогой забегаловке люди узнали много нового? Например, о тараканах, кишащих толпами на кухне? Или о рыжих официантках, которые развлекаются с женатыми клиентами в туа-

летах?

Он грязно ухмыляется, а я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Да кто ты вообще такой?! Во мне скопилось столько яда и злости, что после смены придётся выкурить как минимум полпачки, пока с дымом не выветрится всё это раздражение.

Бесполезно. Спорить с ним дальше бессмысленно. Хрен с тобой. Пускай мой кошелёк опустеет на десяток долларов, я сама закрою этот проклятый чек. Но унижаться я больше не собираюсь.

— Конечно, сэр. Но прежде чем вы покинете наше заведение, позвольте рассказать вам одну мудрую японскую пословицу. — Мои губы сами собой растягиваются в едва заметной улыбке. — Её суть в том, что спор с наглым и глупым человеком никогда не принесёт пользы.

Мужчина непонимающе смотрит на меня, пока я упиваюсь своей маленькой местью.

— А звучит она так: «Уступай дорогу дуракам и сумасшедшим».

И с этими словами я делаю изящный шаг в сторону, освобождая ему дорогу к выходу.

Окрылённая этой крошечной победой, я почти вприпрыжку отправляюсь искать Флоренс, чтобы в деталях расписать, как умыла этого наглеца. Краем глаза смотрю на настенные часы: до конца смены остаётся чуть больше часа. Осталось продержаться всего ничего, и несчастная Фло бу-

дет целую неделю возить меня домой! Вы только представьте эту экономию!

Несмотря на то что до работы я добираюсь на автобусе, денег на проезд уходит целая прорва, и под конец месяца мне регулярно приходится ходить пешком.

Видимо, сегодняшний день действительно из категории счастливых! Надо будет обязательно разыскать Рикко после смены. И не для того, чтобы снова накидаться и ныть о несправедливости жизни, а чтобы искренне поблагодарить его за совет и похвастаться, как точно я нахожу светлые стороны в этом хаосе.

Но тут тишину зала нарушает разъярённый окрик:

— Эй, рыжая! Я такой же сумасшедший, как ты — хорошая официантка! Покажи, на что способна. Лови!

Я оборачиваюсь и успеваю увидеть только багровое от ярости лицо мужчины и летящую мне прямо в голову глубокую тарелку, полную горячей лапши и морепродуктов.

На чистых инстинктах я отскакиваю в сторону, но тут же теряю равновесие и со всего маху налетаю прямо на соседний сервированный столик.

В следующее мгновение ресторан оглушает звонкий треск разлетающегося вдребезги фарфора.

***

— Фло, пожалуйста! — я умоляюще смотрю на подругу,

чуть ли не плача от вопиющей несправедливости происходящего. — Я вообще-то жертва! Этот громила чуть не снёс мне голову целой тарелкой лапши! — пытаюсь я воззвать к её совести. — Эллиот точно не простит мне второго косяка за день!

Да уж, сегодня я явно в ударе. Сначала этот хам в гавайском галстуке, а теперь — лучшая подруга, которая с дьявольским азартом выталкивает меня в зал взять номер телефона у абсолютно незнакомого парня.

— Джули, спор есть спор. — Флоренс сочувственно разводит руками. — Условием было не разбить посуду, но твоя задница оказалась настолько огромной, что ты снесла всё, что стояло на том столике.

В подтверждение своих слов она ощутимо щиплет меня за пятую точку и забавно играет бровями.

— Тем более я же не прошу тебя позориться перед всеми сотрудниками и гостями. Ты просто тихонечко закадришь красавчика, и тебе же от этого будет сплошная польза! Горячий секс и качественное снятие напряжения после тяжёлого рабочего дня.

— Ну конечно! Он так и клюнет на моё недовольное лицо и причёску Лорда Фаркуада! — я не удерживаюсь и прыскаю от собственного сравнения с этим персонажем. — Да завидев меня, бедный парень сбежит с истошными криками, привлекая внимание всего района! Вот тогда и случится настоящий, грандиозный позор!

— Дурочка, у тебя крутая стрижка! Ты вылитая та девчонка из клипа Сии, которая прыгает по комнате, как настоящий акробат. Только ты рыжая, а значит... Ты кто?

— Кто? — я в полном недоумении смотрю на подругу.

— Ты настоящий огонь, Джули! Пожар! Парням это нравится, ты просто вечно к себе придираешься. Послушай, когда, если не сейчас, тебе кадрить мужиков? В восемьдесят лет ты вряд ли найдёшь в себе силы просто встать с кровати. И чем ты собираешься тогда покорять мужчин? «О, взгляни на эту новую вставную челюсть, сделанную по последнему слову техники специально для моего рта, чтобы целовать таких парнишек, как ты»?

Я громко хохочу и закрываю лицо ладонями.

— Джули, я просто даю тебе шанс пойти и показать, на что ты способна. А то так и останешься старой девой!

Я слушаю Флоренс и понимаю: чёрт возьми, она ведь права. Вселенной, в которой я — без тени смущения — подхожу к самому привлекательному парню в баре и сбиваю его с ног своей харизмой, просто не существует. Но сегодня я дала себе слово, что этот день принесёт мне хоть что-то хорошее.

Правда, когда я принимала это решение, я благополучно прохлопала заказ того хама и чуть не получила по лицу тарелкой. Но с другой стороны — тарелка-то пролетела мимо! Я осталась цела, да и Эллиот практически не ругался. А значит, вероятность моего успеха сегодня выше, чем в любой другой день моей жизни. Да и в конце концов, пора выле-

зать из своей скорлупы и дать себе шанс на нормальное существование.

— Хорошо, Фло. Я исполню твоё желание и познакомлюсь с каким-нибудь красавчиком — если такие вообще водятся у нас в кафе. Но у меня одно условие, — я пристально смотрю на подругу, пытаясь угадать по её лицу, выслушает она меня или вышвырнет в зал прямо сейчас.

— Валяй, — милостиво разрешает Флоренс, и я готова расцеловать её на месте.

— Я знакомлюсь с парнем, но спать с ним не стану. Особенно в первый же вечер.

По-моему, абсолютно нормальное, здравомыслящее условие.

— Боже, святое дитя! — Флоренс театрально возводит руки к потолку. — Никто и не заставляет тебя укладывать его в постель! Ты вообще это делаешь, можно сказать, не для меня, а для себя. Вот увидишь, это совсем не страшно! Зато потом сможешь легко знакомиться с тем, кто тебе действительно приглянётся. Моё желание заключается лишь в том, чтобы ты подошла к парню, на которого я укажу пальцем, и принесла мне номер его телефона. А ты уже про секс подумала! — хихикает Фло.

К моим щекам молниеносно приливает горячая волна крови, превращая меня в спелый, налившийся помидор. Вот и как с такой физиономией идти знакомиться?!

— Всё, вперёд, дорогуша! — Флоренс тушит сигарету и

тянет меня за руку в зал.

Я быстро делаю последнюю затяжку, с опозданием соображая, что пахну сейчас не самыми изысканными духами. Ну что ж, может, мне попадётся ценитель, который тащится от табачного дыма? В каком-то смысле это даже романтично.

Мы шагаем в зал. Фло с видом матёрого профи принимается сканировать помещение в поисках жертвы. Я следую её примеру, мысленно прикидывая, с кем у меня есть хоть один реальный шанс не провалиться сквозь землю.

— Вон тот, — подруга едва заметно кивает в сторону привлекательного парня за столиком у окна.

На вид — мой ровесник: в растрёпанных каштановых волосах запутался мягкий дневной свет, а на переносице держатся стильные очки в тонкой оправе. Острые скулы, спокойный взгляд исподлобья и серебряное колечко, поблескивающее в брови, создают образ парня, с которым точно не соскучишься. Я хитро смотрю на подругу, всё ещё не веря, что реально сейчас шагну к нему.

— Пару советов напоследок: нацепи на лицо лёгкую улыбку и выпрями спину! — Флоренс похлопывает меня ладонью между лопаток и подталкивает в сторону ничего не подозревающего парня.

Перед тем как сделать шаг, я бросаю короткий взгляд в зеркало. Из стекла на меня смотрят высокая фигура и пара безумных глаз — в них прямо сейчас прыгают бесенята, готовые ввязаться в любую авантюру. На щеках горит яркий

румянец, плечи расправлены, а пальцы сами собой сжимаются в кулаки от предвкушения. Никакого страха, чистый адреналин. Я шагаю вперёд, чувствуя, как сердце сходит с ума и барабанит в грудной клетке, будто пытается вырваться и сбежать с истошным криком: «Позорься сколько влезет, но без меня!», но я просто шагаю вперёд, пока не успела передумать, и широко улыбаюсь.

По пути я ещё раз быстро оцениваю его внешность, пытаясь считать во взгляде холод или надменность. Но нет: лицо молодого человека спокойно и умиротворённо, отчего мне становится чуточку легче. Даже если он и отошьёт меня — а это произойдёт с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента, — он наверняка сделает это тихо и деликатно.

Я подхожу к столику. Парень отрывается от чтения книги и вопросительно поднимает на меня взгляд.

— Эм... Здравствуйте. Меня зовут Джули. — Я натянуто улыбаюсь и тыкаю пальцем в свой пластиковый бейджик. — Официантка. Хотела узнать: как вам наше заведение?

Начать диалог оказывается неожиданно легче, чем я себе накручивала.

— Добрый день. Просто потрясающе, — парень кивает и снова утыкается в книгу, всем своим видом давая понять, что наш короткий сеанс вежливости окончен.

Ну уж нет! Без номера телефона я отсюда не уйду. Я быстро окидываю беглым взглядом тарелки на его столе.

— Скажите, кастелла — просто улёт?

Парень снова поднимает на меня взгляд — на этот раз искренне удивлённый. Он явно не ожидал, что официантка продолжит его донимать.

— Наши гости берут её каждый раз и каждый раз остаются в абсолютном восторге. — Я чуть наклоняюсь к нему и заговорщически понижаю голос до полушёпота: — Это всё из-за мёда. Он насквозь пропитывает десерт, отчего тот становится умопомрачительно сладким. Хотя... — я окидываю его оценивающим взглядом и хитро улыбаюсь. — Кажется, сегодня в нашем ресторане есть кое-кто послаще.

Мой мозг вслед за сердцем с концами покидает тело, так что я отрываюсь по полной, вообще не стесняясь.

Парень широко улыбается и закрывает книгу. Маленькая, но победа!

— Да, у вашего кондитера настоящий талант.

Его взгляд больше не выглядит холодным или настороженным. Он смотрит на меня с нескрываемым любопытством, что дико льстит моему эго.

— Мне кажется, нужно иметь суперспособность, чтобы выпекать такие шедевры. А у вас, — он указывает на меня пальцем, — наверняка есть целый список того, что вы умеете мастерски делать.

— Например? — я с головой вхожу во вкус этой игры.

— Вы очаровываете гостей, из-за чего они хотят возвращаться сюда снова и снова.

Под столом я едва не растекаюсь лужицей от восторга, но вовремя беру себя в руки и судорожно соображаю, чем ответить на этот выпад.

— Не угадали! У меня совсем другой список суперспособностей. В него входит умение мастерски сохранять номера телефонов. Хотите покажу, как?

Симпатичный брюнет за столиком тихо смеётся, когда я с деловым видом протягиваю ему свой блокнот и ручку. Он быстро чиркает несколько цифр. Я успеваю рассмотреть его элегантные, ухоженные кисти с длинными тонкими пальцами и даже на секунду представляю, как этими самыми руками он играет для меня нежную мелодию на нашем первом свидании, неспешно скользя по клавишам пианино...

Так, Джули, вернись в реальность!

— А теперь смотрите, как это делается. — Я с лёгким треском вырываю листок из блокнота и аккуратно складываю его вчетверо.

Парень заворожённо следит за моими движениями, ничего не понимая. А я лишь очаровательно улыбаюсь, когда демонстративно просовываю сложенный листочек себе в декольте.

— Вот! Теперь ваш номер точно не потеряется. — Подмигиваю я ему.

— Воу! Реально крутой трюк, — он ахает и качает головой. — Мне, конечно, далеко до таких фокусов, но, может, вы всё же оставите мне свой номер телефона? А я просто

пообещаю его не потерять.

Не веря собственным ушам, я за секунду царапаю свой номер на чистом листочке и протягиваю ему. Он улыбается, забирая бумажку, и наши пальцы на долю секунды соприкасаются.

Вкус победы сшибает меня с ног. Кажется, я не перестану улыбаться, даже если прямо сейчас объявят о конце света. Плевать! У меня в руках номер парня, который я вымучила буквально за пять минут, в ушах всё ещё звенит комплимент о том, какая я очаровательная, и его взгляд, который недвусмысленно говорил: «Ты мне чертовски понравилась».

— Фло, я в полном шоке! Ты только посмотри!

Мои руки заметно дрожат, пока я демонстрирую ей заветную бумажку.

— Я балдею вместе с тобой! — Флоренс расплывается в довольной ухмылке, переводя взгляд с записки на меня.

— Это ещё не самое главное! Он сказал, что я очаровательная, и попросил мой номер в ответ! — я делаю трогательную физиономию, как у кота из «Шрека». — Фло, ты представляешь?!

— Поверь мне, я-то как раз представить такое могу — в отличие от тебя, — подруга шутливо щёлкает меня по носу и приобнимает за плечи. — Ну что, это было так страшно, как ты себе накручивала?

— Нет... Хотя мне даже сравнить не с чем.

И это чистая правда. Я впервые в жизни вот так нагло взя-

ла номер у незнакомого парня.

— Вначале я подумала, что просто грохнусь на пол замертво — и вот тогда этот парнишка точно обратил бы на меня внимание. Да и вообще все посетители! А сейчас мне кажется, что я могу просто идти по улице и собирать номера всех, кто мне хоть немного приглянётся.

— Вот видишь! Всё это — только в твоей голове. Ты крутишь негативные мысли по кругу, а реальность, моя дорогая, вообще не такая, какой ты её себе рисуешь. Позволь спросить: сколько времени ты сегодня убила на боязнь подойти к парню?

— Весь день, — честно признаюсь я.

Даже ещё не проиграв спор, я панически переживала о том, что рано или поздно это случится.

— А сколько времени ушло на сам подкат? — не унимается Фло.

— Ну... Пять минут. Или около того.

Я прекрасно понимаю, к чему она клонит, и в душе признаю: она снова права. Мои страхи абсолютно беспочвенны и не имеют с реальностью ничего общего. Но как там говорят? Надейся на лучшее, но жди худшего. Это же девиз всей моей жизни!

— Думаю, объяснять тебе больше ничего не надо, ты и сама всё прекрасно уяснила.

Я снова пытаюсь внушить себе, что всё будет хорошо и нужно просто смотреть на вещи под другим углом. А лучше

— наконец зайти к специалисту, который смог бы разгрести весь этот вековой мусор в моей голове.

Вот только что я смогу ему сказать, если я поклялась молчать? Как мне помогут, если самое главное я тупо не смогу озвучить?

О да, я могла красочно расписать, насколько убогим и несчастным было моё детство. Как мне не повезло родиться в семейке, где каждый выживал как мог и где я с самых пелёнок должна была либо приносить хоть какую-то пользу, либо просто не бесить всех своим присутствием. С пяти лет я конструировала свой собственный вымышленный мир. Я постоянно сбегала в фантазии, лишь бы не находиться здесь и сейчас.

А что было «здесь и сейчас»? Взрослые, сутками глушившие дешёвый бурбон, и тяжёлый рок, который не замолкал в нашем доме ни на минуту. Чёрт, да даже когда мы хоронили дядюшку Говарда — набожного христианина и до ужаса меланхоличного старикана, который до последнего вздоха искренне верил, что Бог однажды покарает нас всех за грехи, — на его похоронах вовсю гремел «Корн». Из колонок то и дело доносился надрывный вой, повторяющий, что скорбеть больше невозможно.

И как бы истово дядюшка ни верил в своего Господа, Всевышний всё же предпочёл проигнорировать похороны — видимо, у Него на этот день нашлись дела поважнее, чем утешать безутешных верующих.

Мать тогда даже не просохла. Она сидела на поминальном обеде с мутным взглядом, сжимая костлявыми пальцами стакан с виски, и вопила на весь дом, что Бог забирает только слабых.

Я смотрела на неё: опухшую, агрессивную, отравляющую всё живое вокруг и моих младших братьев с сёстрами. Именно тогда, в двенадцать лет, мне впервые пришла в голову мысль — некоторые люди просто не должны дышать. Вектор был задан ещё тогда. Но я ещё не знала, что спустя годы в нашей жизни появится Сергей.

Сергей — человек, который пришёл в наш ад в обличье спасителя. Парень с идеально уложенными волосами, безупречными манерами и взглядом, в котором читалось странное, религиозное поклонение, когда он смотрел на то, как я вытаскивала детей из очередного скандала. Он видел во мне жертвенного ангела. Спокойного, несущего свет среди грязи. И я верила ему. Мы все верили, что он пришёл нас спасти от Маргарет.

Если бы я только знала, чем обойдутся мне эти иллюзии...

Терапия, которую я могу себе позволить прямо сейчас, — прогулка по ночному Бостону после работы.

Я выхожу из ресторана, плотнее кутаясь в шарф цвета хаки и затягивая пояс пальто. Середина октября. Воздух с каждым днём становится всё холоднее, заставляя прохожих прятаться в многослойную тёплую одежду. Я оглядываю нашу улочку: фонари разливают мягкий, бархатистый свет, пол-

ностью окутывающий пространство. От этого вида на душе становится спокойнее, а дурные мысли испаряются в мгновение ока.

Мимо неспешно проходят люди, растворяясь в тёплом, маслянистом аромате обжаренных зёрен, тянущемся из кофейни под стильной неоновой вывеской. В голове мелькает навязчивое желание запечатлеть этот момент, оставить снимок на память. Чтобы потом — если однажды меня здесь не станет — смотреть на экран телефона, вспоминать холодный вечер, золотые блики фонарей и этих случайных прохожих, которые понятия не имеют, кто я такая.

Шаг за шагом ноги несут домой, а в голове чередой проносятся обрывки жизни. Конечно, та не состояла из одного лишь дерьма — в памяти сразу всплывают редкие походы в церковь с бабушкой.

Когда я была маленькой, мы иногда ходили туда по воскресеньям. Я, словно никогда не бывала в цивилизации, дикими глазами смотрела на пастора, читавшего проповедь, и на прихожан вокруг. Все они были одеты по-праздничному и смотрели ему в рот с искренним восхищением. Женщины сидели, чинно сложив руки на коленях, мужчины поправляли воротнички рубашек, боясь пропустить хоть слово. Внутри пахло старым деревом, воском и ладаном. Где-то впереди потрескивали свечи, а голоса людей сливались воедино, поднимаясь к высокому потолку и возвращаясь обратно глухим эхом.

Но стоило мне поднять глаза выше — и земля уходила из-под ног. Огромные витражные окна простирались почти до самой крыши. На них застыли святые с неподвижными лицами и золотыми нимбами. Солнечный свет прошибал стёкла насквозь, падая на стены сапфировыми, багровыми и янтарными полосами, будто кто-то размолол в пыль драгоценные камни и заставил их полыхать в воздухе.

В такие минуты я представляла себя дочкой какого-нибудь офисного клерка и его жены-домохозяйки. В их доме всегда пахло свежим хлопком и эвкалиптом, по воскресеньям они всей семьёй ходили на службу, а на День благодарения запекали огромную жирную утку, начинённую кислыми яблоками с черносливом и пряными травами. В эти мгновения я даже ощущала на языке вкус той самой утки, которую в реальности мне никогда не суждено было попробовать. Как и сотен других вещей: похода в кинотеатр, похвалы родителей за хорошие оценки, пикников у океана или семейных фотосессий, где все улыбались не для кадра, а потому, что им действительно было хорошо вместе.

Ничему из этого не суждено было сбыться, ведь я родилась у Маргарет. А это означало одно: бесконечно стирать пелёнки и распашонки за немыслимым количеством детей в нашем доме, вечно выкручиваться и придумывать ужин из ничего, когда в пустом холодильнике только ветер свистит, и вовремя вытряхивать пепельницу. Иначе можно было сразу получить от очередного её любовника тяжёлой бляшкой

ремня по первой же попавшейся на глаза части тела.

Бабушка оставалась тем самым голосом разума, который призывал Маргарет не рожать каждый год по новому несчастному ребёнку. И она была единственной, кто любил меня просто так. Жалела меня и часто устраивала «праздники».

Сейчас я понимаю, что для других семей это было банальной рутиной: пойти в церковь, а потом съесть на завтрак блинчики с кленовым сиропом в кафе с красными кожаными диванчиками и ярким потолком — прямо как в сериалах.

Дорога до дома из-за нахлынувших воспоминаний кажется бесконечной. Вытирая слёзы, я вызываю лифт. Бабушка умерла всего за несколько месяцев до того, как в наш дом пришёл Сергей. Больше я никогда её не увижу. Поэтому я практически не позволяю себе думать о ней и о том, что свет в моей жизни существовал только благодаря её теплу.

Проще держать в памяти грязных младенцев, вечно пьяную мать с её калейдоскопом мужиков и въевшееся чувство голода — просто чтобы не бередить старые раны вопросом: «А как всё могло бы быть?»

Подходя к двери квартиры, я замечаю, что из почтового ящика торчит жёлтый конверт.

Письмо?

Я даже не могу вспомнить, когда мне в последний раз присылали настоящие письма. Ах да, никогда. Если не считать счетов за электричество и рекламного мусора.

— Ну и кто ты такой? — тихо спрашиваю я у конверта, забирая его из ящика.

Любопытство подталкивает вскрыть его прямо здесь, на площадке, но внутренний голос испуганно шепчет: «Положи на место».

И всё же любопытство побеждает. Я шагаю в квартиру и запираю дверь. И только дома, опустившись на мягкий диван, разглядываю чёрный штамп в верхнем углу.

Адрес исправительной колонии.

Пальцы становятся ледяными. Я в панике оглядываюсь, будто в полумраке квартиры кто-то прячется. Но я одна. В кромешной тишине я слышу каждый удар собственного сердца.

Я зажмуриваюсь на секунду, а когда открываю глаза, понимаю: это не кошмар. Это всё ещё моя жизнь.

Я разрываю конверт. Глаза хаотично пробегают по строчкам. И только с третьего раза мне удаётся собрать буквы в слова, а слова — в предложения, чтобы осознать смысл:

Сырость
и вонь.
В каждой секунде,
считаемой
вслепую,
я не просто скучаю по тебе —
я грызу
твоё

имя,
как кость
живую.
Ты —
мой единственный лучик света.
Надежда,
вбитая в сердце наглухо: вырвусь!
Выйду!
И мы снова воссоеденимся намертво.
Всё будет как раньше.
Помни: я рядом.
Не смей бояться!
Ты отрицаешь?
Ври! Затыкай уши!
Но ты...
Ты, наплевав на весь мир,
отдала себя всю —
лишь бы остался.
Лишь бы не уходил.
Сам Бог сбросил тебя мне в руки!
Ты и сама не поняла,
как тебе повезло.
Но я-то знаю тебя, Джули.
Насквозь.
Скоро ты всё поймёшь
и прошепчешь:

<<Спасибо...>>
В этом каменном,
спёртом,
проклятом мире,
где я для тебя —
высшая милость и сила!

Сначала меня выворачивает наизнанку один раз, потом второй — так жжёт внутри, будто глотнула раскалённого стекла. Когда в желудке не остаётся вообще ничего, кроме жёлтой желчи, я сползаю по стене и заливаюсь истеричными слезами.

Да как, нахрен, такое возможно?! Меня просто разрывает изнутри. Один взгляд на эту бумажку — и лёгкие сжимает. Не может быть, не может, не может... Откуда он узнал, где я?! Что делать? Что мне теперь делать?!

И я снова оказываюсь в том кошмарном доме. Всё такая же беспомощная и глупая. Это письмо, насквозь пропитанное одержимостью, снова тычет меня носом в то, кем я для него была.

Глупой собачкой.

Игрушкой, с которой хозяин может делать всё что угодно, лишь бы она не сорвалась с поводка.

Радует только одно: сейчас он не может до меня добраться. Не может снова сжать меня своими скользкими щупальцами и затянуть в тугую петлю. К тому же один раз я уже вырвалась. Второго шанса я ему не дам. По крайней мере,

мне очень хочется в это верить.

Из тюремной камеры достать меня непросто.

Я прячу письмо на самое дно ящика, молясь, чтобы к утру оно просто исчезло, оказавшись лишь плодом моего воспалённого воображения.

Но даже проваливаясь в тяжёлый сон, я чувствую, как страх облизывает кости. Прошлое не осталось там — за закрытыми дверями нашего старого дома. Оно ждало в темноте, вглядываясь в реальность широко раскрытыми глазами.

И на этот раз чужой взгляд не исчезнет с рассветом.

ГЛАВА 2

— Оглянись! — я чувствую, как сильные руки толкают меня вперёд.

Пол под ногами плывёт, тонет в чем-то густом, тяжёлом, пугающе-живом. Сначала мозг отказывается верить глазам, барахтается в слепом отрицании, но стоит присмотреться к расползающейся бордовой луже — и челюсть сводит судорогой, а горло намертво запечатывает немой крик.

Воздух в комнате сгущается до плотности смолы, пропитываясь мерзким, металлическим смрадом ржавчины. Кровь везде. Она капает со стен, липнет к пальцам, захлёстывает с головой. А в самом центре этой багровой бойни валяется бесформенная, истерзанная тень — нечто, от чего хочется выцарапать себе глаза, лишь бы не узнать в кровавом месиве человека.

— Смотри ближе! — мужчина сжимает мою шею обеими руками, до боли впиваясь пальцами в кожу, и пытается поставить меня на колени.

Я изо всех сил стараюсь успокоиться, но эмоции полностью овладевают мной. Дикий крик вырывается из горла каждый раз, когда он подталкивает меня к телу в луже. Я неистово рыдаю и упираюсь ногами в пол, всем естеством сопротивляясь тому, чтобы оказаться на липких от крови деревянных досках.

Мужчина больно хватает меня за волосы, заставляя заглянуть ему в лицо.

— И что теперь мы будем делать?! — кричит он, и я отчётливо улавливаю нотку паники.

Резкий рывок за волосы запрокидывает мою голову назад, заставляя смотреть туда, где во тьме леденеет тело. Я захлёбываюсь бессильным шёпотом, умоляя прекратить эту бесконечную пытку, пока голосовые связки не начинают гореть огнём. Меня начинает лихорадить. Мышцы отказываются подчиняться, ноги подкашиваются — и я с глухим стуком падаю на пропитанный кровью пол.

Сквозь ресницы, слипшиеся от слёз, вижу свои руки.

— Нет, нет, это не я... — дыхание прерывается от нескончаемых всхлипов.

Я окончательно перестаю соображать. Верчу головой из стороны в сторону, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто поможет мне подняться и заберёт из этого места.

— Всё из-за тебя! Ты могла просто дать мне уйти, но ты решила поиграть в спасительницу! — он выплёвывает эти слова мне в лицо, словно я действительно виновата в происходящем. Словно я была бешеной собакой, искусавшей ребёнка, который теперь до конца дней не сможет смотреть на своё изуродованное лицо.

— Помоги мне! Помоги мне встать... — как слепой котёнок, я пытаюсь найти хоть какой-то источник безопасности, нащупать спасение и хаотично машу руками, надеясь пой-

мать его руку, но каждый раз пальцы рассекают лишь пустоту.

— Нет. Теперь ты заслуживаешь только одного.

Сильный удар по спине вышибает из лёгких остатки воздуха. Я падаю прямо в кровавую лужу, пачкаясь в тягучей жиже, от запаха которой меня сразу же тошнит.

— Чудовище, — шипит он.

Мужчина втаптывает мою голову в доски, в это багровое месиво. Крови вдруг становится так много, что я начинаю захлёбываться. Глаза и рот заполняет горячая жидкость, проникая внутрь, словно яд. Грудь разрывает невыносимая боль, в лёгкие вместо воздуха вливается горячая кровь, и сознание неумолимо затягивает на самое дно...

Я резко подскакиваю на постели, срывая голос в испуганном крике. Кажется, вся моя одежда пропитана кровью. В панике хватаюсь за горло — и осознаю, что всё ещё дышу. Выключатель. Щелчок. Комнату заливает свет лампы, и пульс постепенно начинает замедляться: это не кровь, а липкий холодный пот.

Всего лишь кошмар.

Я поднимаюсь с кровати, попутно накидывая на плечи красный халат, и плетусь на кухню. На столе стоит бутылка вина, полная едва ли наполовину.

Помнится, когда-то давно мне часто снился один и тот же сон.

Я стояла посреди бесконечного коридора с нереальным,

немыслимым количеством дверей. Открывала их одну за другой, надеясь наконец вырваться наружу, но за каждой из них оказывалась одна и та же кухня: детский плач, режущий барабанные перепонки, прогорклая вонь от немытых тарелок и пьяный, истерический смех матери.

Ни в одну из тех ночей я так и не смогла найти выход.

***

На работу я прихожу в абсолютно разбитом состоянии.

Письмо напрочь выбило меня из колеи, хоть я и изо всех сил стараюсь взять себя в руки. Обычно смена отвлекает лучше всего, но после бессонной ночи работоспособность стремится к нулю. Сколько бы я ни молила Господа о тишине и покое, он меня не услышал: остаток ночи я мучилась от кошмаров. К утру под глазами залегли глубокие тёмные тени, а и без того бледное лицо стало совсем бескровным, как у покойника. Кажется, даже веснушки исчезли, превращая кожу в чистый холст. Мечта для художника: можно нарисовать мне новое лицо и выдать за абсолютно другого человека.

Флоренс ждёт меня у заднего входа. Мы всегда встречаемся там, чтобы выкурить по сигарете перед тяжёлой сменой и хоть как-то настроиться на работу.

— Фигово выглядишь, — Фло, как обычно, не подбирает выражений.

— Да знаю. — Я выдыхаю едкий дым прямо подруге в

лицо, отчего та закашливается. Нечего портить и без того паршивое настроение.

— Не стала звонить тому парню?

— Не стала.

Мы с минуту молчим. Всё это время я разглядываю собственные руки, пытаясь унять предательскую дрожь в пальцах.

— Да что с тобой? — Флоренс всматривается в меня, будто надеется прочесть ответы прямо на моём лице. Как будто у меня на лбу написано чёрным по белому: «Меня преследует психопат, который, кстати, сидит в тюрьме».

— Не выспалась. — Я неопределённо пожимаю плечами.

— Знаешь, ты могла бы воспользоваться номером того красавчика и не выспаться куда более приятно, — подмигивает подруга.

Ну как можно быть настолько непотопляемо-позитивной?

Затушив сигарету, я направляюсь к служебному входу. Мне меньше всего хочется обсуждать потенциальных мужчин и гипотетические романы. Для начала нужно раз и навсегда отделаться от предыдущего — от того, кто не унимается даже спустя столько лет. Как будто то, о чём он пишет, вообще возможно! Я не соглашусь быть с ним снова даже под дулом пистолета.

Всё утро я откровенно косячу. Никак не удаётся совладать с трясущимися руками. Ставя на стол очередную чашку кофе, я разливаю его до последней капли прямо на белоснеж-

ную скатерть. Позже путаю два заказа, и гость, ожидавший свой рамэн со свининой, явно не в восторге от вегетарианских роллов.

— Да что с тобой происходит?! — Эллиот затаскивает меня к себе в кабинет, рассчитывая привести в чувство очередным нагоняем.

— Я просто устала и плохо себя чувствую, — всё, что я могу выдавить.

— Мало того, что вчера ты нахамила гостю и разбила гору посуды, так и сегодня, я смотрю, ты не собираешься останавливаться? — управляющий раздражённо стучит костяшками пальцев по столу.

— Эллиот, я правда сожалею о вчерашнем. Гость был редкостным хамом, и я не сдержалась. — Мои глаза метаются по кабинету. Я изо всех сил борюсь с подступающими слезами. Быть тряпкой — это всегда уметь расплакаться в самый неподходящий момент. — Я постараюсь больше ничего не уронить. Честно.

— Мне всё равно, что у тебя происходит. Если ты не в состоянии работать — сдай фартук и иди на все четыре стороны.

— Дай мне ещё шанс, я же не разнесла тут всё к чертям и никого не отравила...

Эллиот устало трёт глаза и, кажется, целую вечность раздумывает над моими словами.

— Иди. Но ещё один косяк — и ты вылетишь отсюда.

Три года. Три года я была для них идеальным, удобным сотрудником. Подхватывала чужие смены, выходила в свои выходные, задерживалась до глубокой ночи, когда это требовалось. Не давала ни единого повода для жалоб со стороны гостей — кроме вчерашнего инцидента.

Но, как оказалось, всё это ничего не стоило. Достаточно ошибиться пару раз — и три года верности можно перечеркнуть одним взмахом, будто их никогда и не было.

Я покорно разворачиваюсь и спешу обратно в зал, чтобы исправить ситуацию и не дать Эллиоту пожалеть о проявленной слабости. Ещё вчера я была уверена, что мне сойдут с рук и невнимательность, и резкость — ведь никто не угрожал увольнением. А значит, сегодня я точно исчерпала весь свой лимит доверия.

Эллиот неплохой управляющий. Мы всегда можем сбегать с ним на перекур, а вечером, если остаются моти, мы можем забрать абсолютно все эти нежные, как облачко, десерты. Жаловаться практически не на что.

— Всё в порядке? — тут же с расспросами подлетает Фло.

— Не знаю. Кажется, он серьёзно хотел меня уволить.

— Видно, ты сильно его достала.

— Не то слово, — соглашаюсь я.

Угрозы Эллиота на меня подействовали, поэтому остаток дня я дорабатывала максимально спокойно, больше ничего не роняя. Я как раз разносила подносы, когда у бара раздались недовольные крики.

— Мэм, я не совсем понимаю вас, — до меня доносится напряжённый голос Эллиота. — Вы хотите сказать, что одна из наших официанток приставала к вашему молодому человеку?

— Да, именно это я и говорю! Вы не можете уследить за своими работниками или что?! Почему я вместо того, чтобы идти на йогу, должна тащиться сюда и разбираться с вами, а?

Упс. Кажется, тот недовольный индюк действительно раздул скандал, и сейчас мне прилетит по полной. Хотя куда уж там — это конец. Эллиот и глазом не моргнёт, прежде чем выставить меня на улицу.

— Этого просто не может быть. Нашим официантам строго запрещено переходить с посетителями на личные темы, а флирт — это абсолютное табу.

И это было чистой правдой. Мы всегда общались вежливо и исключительно по делу, принимая заказы. Только Рикко дозволялось болтать с гостями как со старыми приятелями. В конце концов, личные откровения, которые посетители в пьяном угаре выплёскивали на него в поисках поддержки, были его хлебом. Чем больше гость жаловался на жизнь, тем жирнее оставлял чаевые.

— Да ладно?! А что вы скажете на это?

Краем глаза я замечаю, как блондинка достаёт из своей миниатюрной сумочки сложенный вчетверо листок бумаги. По позвоночнику прошёл озноб. И до меня дошло, что дело вовсе не в том буйном посетителе. Это тот красавчик с пир-

сингом умудрился попасться своей девушке с чужим номером.

Идиот, — пронеслось в голове.

Эллиот молча разглядывает записку полминуты, а затем поднимает растерянный взгляд на зал — ища ту, что осмелилась наплевать на главное правило ресторана. Я знаю, что он ищет именно меня, и готовлюсь принять удар.

— Джули, подойди ко мне, пожалуйста, — зовёт Эллиот с нарастающим раздражением в голосе.

Я покорно плетусь в сторону управляющего и миловидной, миниатюрной блондинки, которая внешне совсем не похожа на человека, способного устроить публичную казнь.

— Да, что-то случилось? — хотя ответ на этот вопрос я уже знаю.

— Посмотри, пожалуйста. Тебе знаком этот листок?

Эллиот протягивает мне злосчастную бумажку. Мой почерк. Я замерла, не зная, что выбрать: признать вину и получить по полной или притвориться дурочкой, сделав идиотами всех вокруг. Коряво выведенное имя «Джули» выдавало меня с потрохами...

— Да, Эллиот, — я виновато опускаю взгляд. — Я оставила свой номер гостю. Но я не знала, что у него есть девушка! Он ничего мне не сказал, — добавляю я, обращаясь уже к блондинке.

— Ну конечно! Когда я нашла эту чёртову бумажку в кармане своего парня, он поведал мне распрекрасную историю о

том, как неугомонная официантка клеилась к нему весь вечер! И это несмотря на то, что он несколько раз предупредил её о том, что занят. Это вообще нормально?!

От возмущения у меня перехватывает дыхание.

— Так, ну уж нет! Я не клеилась к нему весь вечер, а весь наш разговор занял ровно три минуты!

Терпеть наглую ложь я не намеревалась. Моей вины в том, что этот Том оказался обыкновенным трусом, не было никакой.

— И речи о том, что он занят, вообще не шло! Эллиот, ты же знаешь меня. Поверь хотя бы ты! — я умоляюще смотрю на управляющего.

Он ведь отлично знает, кто я такая и что флирт вообще не в моём характере — разве что я по пьяни клеюсь к Рикко. Но это не одно и то же.

— Джули, просто принеси девушке извинения, — пытается замять конфликт Эллиот.

— Нет, мне не нужны её извинения! Просто увольте её. И пускай идёт работать туда, где ей с её навыками самое место — на панель!

Вот же стерва!

— Эллиот, перед тобой я готова извиниться. Я действительно поступила неправильно и нарушила правило. Но перед ней — ни за что. Пускай требует извинений от своего ненаглядного!

— Джули, мне твои извинения не нужны, — раздражение

управляющего с каждой секундой становится всё ощутимее.
— Я предлагаю тебе извиниться перед девушкой и молиться, чтобы эта милая дама тебя простила. Иначе... — Эллиот поджимает губы и очень выразительно смотрит на меня.

Я понимаю этот взгляд: он уволит меня прямо сейчас, если я не начну лебезить.

— Ты поступила вопреки правилам нашего заведения. Кто позволил тебе раздавать номера? Посмотри, к чему это привело!

— Да, я поступила неправильно, но зачем устраивать публичную порку?! Эта стоит и отправляет меня на панель! — Я машу рукой в сторону блондинки, которая тут же закатывает глаза. — А ты позволяешь ей унижать меня! Мне просто понравился парень, а я, по всей видимости, понравилась ему, иначе он прогнал бы меня!

— Да кому ты могла понравиться? — вставляет блондинка с ядовитой ухмылкой. — Просто прилипла к бедному парню, а он из жалости не смог от тебя отделаться. Ты хоть сейчас не позорься и просто прими это как факт!

К этому моменту уже половина зала оборачивается в нашу сторону и шепчется. По щекам разливается жар.

Эллиот ничего не отвечает — лишь снова смотрит на меня, беззвучно требуя извинений.

Да к чёрту всё. Моё пребывание здесь и так затянулось — я изначально не собиралась пускать корни на одном месте. А теперь вокруг образовался ком проблем, которые мне не

сдались. Я оставалась тут только до тех пор, пока всё было относительно спокойно.

Ну что ж.

Я поворачиваюсь к девушке и улыбаюсь самой приторной улыбкой, на которую только способна.

— Мне очень жаль, что вы оказались в такой ситуации. Как женщина я вас прекрасно понимаю, и моё сердце просто разрывается от боли за вас. — Я прикладываю ладонь к груди и смотрю на неё с глубочайшим сочувствием. — Возможно, ваш молодой человек действительно говорил мне о вашем существовании и пытался уйти от разговора. Но, к сожалению, я этого не заметила, потому что была слишком занята другим.

Эллиот и девушка внимательно слушают меня, не перебивая.

— Я складывала в карман записку с его номером телефона, которую он так охотно мне вручил... — я достаю из фартука тот самый листок и демонстрирую его блондинке, чтобы у неё не осталось ни единого сомнения.

— Ах ты дрянь… — шипит девушка — то ли мне, то ли в адрес Тома.

Но мне уже плевать.

Эллиот замирает с открытым ртом, не веря ушам. Он медленно проводит ладонью по волосам, качает головой и глухо цедит:

— Какого хрена, Джули...

— Да пошёл ты. — На меня неожиданно накатывает усталость от этого разговора. — В следующий раз, когда захотите обвинить сотрудника в том, чего не было, обратите внимание вон на ту штуку, — я тычу пальцем в сторону объектива камеры видеонаблюдения под потолком. — И, возможно, никого увольнять не придётся. Да, я поступила неправильно, но точно не ужасно.

С этими словами я срываю с себя фартук и шагаю в раздевалку собирать вещи.

Я готова признать вину в том, что оставила свой номер гостю вопреки правилам ресторана. Извиниться перед Эллиотом. Но соглашаться с тем, что я вилась вьюном вокруг «бедного мальчика», лишь бы он обратил на меня внимание, и не давала ему прохода — нет уж. Гордость не позволила оговорить себя ради работы в этом месте. В конце концов, это не единственный японский ресторан в городе. Да, обалденного бармена там, скорее всего, не будет, но ничего. Другие тоже сойдут. Главное — джин, а кто его наливает — дело десятое.

В комнату для персонала юркает Фло.

— Джули... Сара уже трезвонит по всему ресторану, что тебя уволили, — тихо проговаривает подруга, переминаясь с ноги на ногу и избегая прямого взгляда. — Это... правда?

— Правда, — коротко отвечаю я, забрасывая вещи в сумку.

— Блин... — Фло сжимает губы и нервно одёргивает свой фартук. — Может, стоит всё-таки поговорить с Эллиотом?

Если объяснить всё как есть...

— Фло, брось. Извиняться я не буду, а он только этого и ждал. Всё нормально.

— И что ты теперь будешь делать? — она напряжённо замирает, будто ожидает, что я начну упрекать её или жаловаться на судьбу.

— Найду новую работу. В городе с этим проблем нет.

— Ну... иди хотя бы получи расчёт за этот месяц, — выдавливает Фло, с облегчением переводя тему. — Ты же практически без выходных отработала, тебе обязаны выплатить всё до цента.

В этот момент мне и впрямь хочется её обнять: из головы совершенно вылетело, что мне должны денег за отработанные смены.

— Фло, ты чудо! Совсем забыла.

Я прощаюсь с шокированной подругой, которой явно не хватает моих сбивчивых объяснений, забираю честно заработанные деньги и пулей вылетаю на улицу мимо растерянного Эллиота.

Как странно: ещё вчера я сдерживалась из последних сил, чтобы не нахамить гостю из-за страха потерять место, а сегодня посылаю Эллиота куда подальше с его требованиями и добровольно ухожу. Но всё, что ни делается, — к лучшему, верно же?

Я вдруг осознаю, сколько у меня теперь появится свободного времени. Я смогу наконец-то провести генеральную

уборку в квартире, съездить на пляж, просто не спеша выпить кофе и почитать книгу. Такие банальные вещи… но из-за работы, поглощавшей всё моё время, я просто забыла, каково это — жить. Забыла, что такое нормальный сон, полноценная еда и каково это, когда от тебя за версту не несёт креветками в кляре. Неожиданно увольнение становится для меня долгожданным освобождением.

Зайдя в первую попавшуюся кофейню, я заказываю огромный стакан латте со сливками и отправляюсь на набережную. Уже на подходе к воде воздух меняется — становится более колючим и промёрзлым. Я сильнее кутаюсь в высокий воротник пальто и позволяю себе просто насладиться видом. В местах, откуда я родом, река хоть и была, но город всё равно казался сухим, душным и пропахшим мусорными контейнерами, поэтому сейчас я испытываю чистый восторг от одного только присутствия здесь.

Помню время, когда я понятия не имела, куда податься и что делать со своей жизнью. Долго скиталась по улицам, ездила автостопом из города в город в поисках лучшей жизни — ну или хотя бы безопасного укрытия, где можно расслабиться и не быть начеку каждую секунду. Сначала я бродяжничала совершенно одна, но потом мне улыбнулась удача.

Как-то раз я забрела в церковь, где после службы обещали накормить нуждающихся. Покорно отстояв несколько часов, я получила свою порцию риса и лепёшку с бобами. Тогда-то меня и заметила Рэйчел.

Странная женщина с дредами, яркими татуировками по всему телу и огромными серьгами-кольцами в ушах. Среди местных обитателей она казалась настоящей инопланетянкой.

— Почему ты одна? Где твои родители? — она оглядела меня с ног до головы, оценивая грязные спутанные волосы, страшную худобу и перепачканный бобами рот.

Я совершенно не знала, что ответить. Сказать, что сирота? Да, это казалось самым убедительным. Я соврала, что сбежала из приюта, название которого напрочь вылетело из головы.

— Почему сбежала? — не унималась с расспросами странная женщина.

— Надо мной издевались все, включая воспитателей, — я пожала плечами, мол, с кем не бывает.

— А сколько тебе лет? — она вглядывалась в моё лицо, пытаясь прикинуть возраст.

Мне было семнадцать, но определить возраст по моему истощённому лицу было практически невозможно.

Она спрашивала ещё о многом: есть ли мне куда идти, остались ли в этих краях знакомые или родственники. Ответ был один — нет. Недолго думая, Рэйчел забрала меня к себе.

Она жила в трейлер-парке со своим бойфрендом Стивом. Они были похожи как две капли воды: оба высокие, худые, с разноцветными татуировками и дредами, которые тяжёлыми тёмными корнями вековых деревьев спадали им на пле-

чи. Я искренне поражалась их красоте и добродушию. Приютить чумазую сиротку, о которой они не знали ровным счётом ничего, казалось мне абсолютным благородством. Они кормили меня завтраками и ужинами. На обед у них обычно была медитация и поглощение духовной пищи, но я не жаловалась.

На жизнь зарабатывали просто: каждый день с самого раннего утра мы объезжали все близлежащие свалки в поисках чего-нибудь интересного. Вдруг подвернётся уцелевший винтажный стул, торшер с золочёными канделябрами, имитирующий старинный подсвечник, а иногда — и брендовые шмотки.

Я любила просыпаться так рано. Рассвет здесь имел вкус холодной росы и влажной хвои. Трейлер-парк лежал на самом дне долины, утопая по крыши в парном тумане. Но стоило только поднять глаза — и над этой сырой могильной тишиной во весь свой первобытный рост поднимались зелёные холмы. Тяжёлые, сплошь заросшие непроходимым, сочным лесом, они уходили за горизонт тёмными, нависающими волнами, словно гигантские зелёные звери, затаившиеся в ожидании солнца.

После поисков на вонючих помойках мы возвращались с добычей домой и сортировали вещи: что нужно отмыть, а что сойдёт и так. Каждый из нас складывал найденное отдельно от других, чтобы не перепутать. Это было важно: каждый собирал то, на чём, по его мнению, можно было здорово

навариться. Мне нравился такой подход.

Помню, что я даже отстирала свои потрёпанные шмотки, которые прихватила с собой, когда сбегала из дома, и поставила за одну только футболку двадцать пять долларов.

— Ну ты и загнула! — присвистнула тогда Рэйчел, на что я просто пожала плечами.

На фоне мусорного хлама мои вещи выглядели вполне прилично, хотя нашлась всего парочка человек, решивших их купить. В конце дня мы подводили итоги. В тот первый раз я безумно гордилась собой, держа в руках небольшую стопку купюр, и была крайне удивлена, когда Рэйчел вытянула из моей пачки пару баксов.

— Эй, это моё! — возразила я, вырывая деньги обратно.

— Детка, за всё надо платить. Аренда этого места не бесплатная. — Рэйчел тяжело вздохнула, раздражаясь из-за моего упрямства.

Я была готова отдать деньги, только если бы она приставила нож к моему горлу.

— Отдавай долю, или больше не будешь торговать с нами. Ты всё равно унесёшь больше, чем ничего.

Я не хотела делиться, но и прекращать торговлю тоже не собиралась — я же только вошла во вкус! Она была права: «ничего» было куда меньше того, что я заработала, поэтому я отдала купюры с тяжёлым сердцем.

Так проходили все наши дни: мы ели веганскую еду, плели мне косы; я носила найденные на помойке мужские рубашки

на голое тело, практически всегда ходила босая и медитировала на досуге. Дешёвой, водянистой акварелью я размазывала по бумаге зелёные холмы, первые лучи солнца, драных бродячих котов и узоры татуировок на руках Рэйчел и Стива — тонкие лианы обвивали их загорелую кожу, врастая в плоть и распускаясь под костяшками пальцев тёмными, ядовитыми бутонами.

Как-то раз я даже покурила марихуану со Стивом, и мне показалось, что он собирается меня поцеловать. Мне всего лишь показалось, но в тот момент меня так сильно стошнило, что бедняга, наверняка, пожалел, что вообще всё это затеял. На следующий день никто ничего не вспомнил, так что ситуация забылась сама собой.

Я провела у них практически всё лето — лето, пахнувшее разогретой сосновой смолой, яблочным сидром и чужими тайными жизнями. Мы выбирались с палатками в самую глушь леса, куда по вечерам подтягивались друзья Стива: такие же выжженные солнцем, дикие парни с распущенными по плечам космами волос, сплошь затянутые в синие, выцветшие от времени татуировки. Они сидели у раскалённых углей, пили терпкий сидр из горла бутылок и тянули под расстроенную гитару надрывные песни, которых я никогда прежде не слышала. Стив затягивал хриплым, хмельным голосом:

Когда пепел остынет на влажной траве
И дороги растают в ночной синеве,

Разве сердце не вспомнит того, кто ушёл,
Кто любовь и приют никогда не нашёл?
Когда звёзды погаснут над тёмной рекой,
Разве он не вернётся забрать твой покой?..

Я вполуха слушала песню и незаметно вытирала подступающие слёзы, пока Рэйчел раскладывала карты Таро, гадая, какое будущее ждёт нас впереди. Мне неизменно выпадала Двойка Мечей. Рэйчел объясняла, что этот аркан означает мучительные сомнения и необходимость сделать выбор между двумя путями. Она спрашивала, понимаю ли я, о чём речь, но я, как всегда, лишь пожимала плечами, не находя ответов.

Именно там я впервые отпраздновала свой день рождения. Мне даже вынесли торт — разумеется, веганский, с миндальным кремом, украшенный по кругу спелой малиной и фисташками. Я проплакала весь остаток вечера и не уставала благодарить их за всё, что они для меня сделали. Рэйчел обнимала меня, целовала в висок и говорила, что в жизни будет непросто, но тот, кто ничего не делает, всегда остаётся ни с чем. И я была с ней полностью согласна. До встречи с ними у меня не было ничего; я понятия не имела, как заработать, кроме как попрошайничать у прохожих на улице. Стив и Рэйчел протянули мне руку, когда я так нуждалась в опоре, и показали, что жизнь может быть совсем другой: с разноцветными стеклянными браслетами, ожерельями и честным трудом, за который ты получаешь вознаграждение, пару шу-

ток от Рэйчел и тарелку риса с фасолью на ужин.

Но всему суждено заканчиваться.

Поэтому на рассвете, когда солнце ещё не поднялось из-за горизонта, на улице стояла прохлада, а туман и не думал рассеиваться, я тихо собрала свои скромные пожитки и покинула трейлер-парк. Я не стала оставлять записок и не разрешила себе даже взглянуть на спящих Рэйчел и Стива. Надо уметь уходить. Тем более мне было не привыкать покидать странные места, успевшие стать родными.

И, как и в самый первый раз, я снова оглянулась на трейлер, украшенный гирляндами из цветных флажков и рисунком тропической пальмы на дверце. Этим людям, принявшим меня, больше не нужно было возиться с чумазой девчонкой и делить тесный трейлер, где и без меня хватало тесноты. Я была им бесконечно благодарна тогда и благодарна сейчас. Но позволить себе сесть им на шею и стать для них... кем? Дочерью?

Другом семьи? Я была чужим человеком, не заслуживавшим стольких проявлений доброты, и лучшее, что я могла сделать, — это молча уйти.

Как обычно, воспоминания вогнали меня в тоску. Конечно, я скучала по ним и иногда представляла, что было бы, останься я тогда. Стала бы хиппи, бесконечно ковырялась бы на свалках и без остановки слушала транс-музыку, пребывая в вечном блаженстве. Не знала бы, что такое шумный город, работа на износ и начальник, требующий железной дисци-

плины. Я была бы свободна как ветер, курила бы травку и спала со странными друзьями Стива.

И вот теперь в моей жизни снова начался новый этап — если его можно было так назвать. Я днями напролёт смотрю сериалы и листаю сайты в поисках работы. Не уверена, хочу ли снова работать официанткой, поэтому рассматриваю абсолютно любые вакансии. Но ни один вариант с предлагаемым уровнем зарплаты меня не устраивает. В ресторане в центре города одни только чаевые за месяц едва ли не превышали мой оклад. Соглашаться на меньшее казалось преступлением против самой себя.

Как и было решено в первый же день после увольнения, я выдраила всю квартиру и выбросила гору ненужных вещей. У меня на этот счёт был пунктик: если я не пользовалась вещью больше года, она отправлялась на помойку. Я не хотела накапливать вокруг себя хлам или лишних людей. И не привязывалась ни к чему, кроме этой квартиры. Да, в чём-то я проявляла радикализм, но смотреть на вещи трезво всё же умела.

Хорошая, недорогая квартира-студия недалеко от центра — нужно быть идиотом, чтобы отказаться от такой роскоши. Воспитание Стива и Рэйчел не прошло даром, поэтому квартиру я обставила особенно интересно. Куча разноцветных ковров в стиле пэчворк, огромный красный светильник в углу комнаты рядом с плетёным креслом-качалкой, где я в свободное время пью мартини и читаю книги. Рядом сто-

ит мольберт с уже натянутым холстом, где прорисовываются сочные жёлтые лимоны с зелёными листьями. Эту картину я собираюсь закончить уже сегодня и повесить на кухне. Да и вообще по всей квартире висят мои маленькие рисунки — яркие, не всегда понятные, но отлично вписывающиеся в интерьер этой студии. На подоконниках стоит мой любимый антуриум, а под потолком висят гирлянды из флажков, подобно тем, что были на трейлере.

Завела себе новую привычку и теперь каждый день выхожу на пробежку вдоль набережной Чарльз-Ривер — узкой полосы у ледяной, серой воды, — даже несмотря на частые мелкие дожди и пронизывающий октябрьский ветер. После пробежки мысли приходят в норму, а внутри словно распрямляется тугая пружина, позволяя смотреть на жизнь трезво. Я уделяю больше времени готовке, приучаю себя к нормальной, простой еде и постепенно выбираюсь из той эмоциональной задницы, в которой увязла с головой. Начинаю прикидывать, смогу ли позволить себе пойти на курсы фотографа и купить приличный фотоаппарат. Я давно мечтала об этом, но годами откладывала ради стабильной работы, где на творчество просто не оставалось сил. Теперь же свободного времени навалом — так почему бы и нет?

Близится конец октября, и город затягивает в пучину из тыкв, искусственной паутины и бутафорской крови. Мой любимый праздник, который я за всю жизнь никогда не отмечала: было либо не с кем, либо негде. С того самого дня, как я

хлопнула дверью ресторана — а прошло уже ровно две недели, — мы с Флоренс почти не созванивались. Я скучаю по ней, хотя твержу себе, что это нарушение главного правила: не привязываться ни к кому. Но с Фло всё иначе — легко и весело.

Несколько минут сомнений — набирать самой или нет — прерывает её звонок, чему я только рада: всё разрешилось без лишних раздумий.

— Джули, хей! Ты там ещё не покрылась мхом в своей берлоге? — весело смеётся в трубку подруга.

На душе сразу теплеет.

— Фло, я безумно рада тебя слышать! Да, покрылась! Поэтому может увидимся?

— Приходи на вечеринку в честь Хэллоуина, — сразу предлагает она.

В нашем ресторане каждый год устраивали шабаш, на который я никогда не заглядывала, не желая видеть лица коллег в свой законный выходной. И сейчас вряд ли сунусь — особенно после той публичной сцены, которую я закатила Эллиоту.

Словно прочитав мои мысли, Фло тут же добавляет:

— Да брось, Эллиот уже давно остыл, сколько времени прошло! У меня «плюс один», и я ужасно хочу тебя увидеть, — уговаривает она, и я нахожусь в секунде от того, чтобы согласиться.

Но упираюсь в банальное:

— Фло, у меня совершенно нет подходящего костюма, — разочарованно выдыхаю я.

— Джули, включи фантазию! Сделай смоки-айз — и будешь вылитая та девчонка из кино, где все то и дело гоняются за временем. Надень что-нибудь чёрное, обтягивающее, и всё, дело в шляпе.

— Флоренс, ты гений! Конечно, я приду. Во сколько встречаемся?

— В семь жду тебя у служебного входа. Целую! — и линия обрывается.

У меня остаётся всего два часа на сборы, учитывая, что краситься я умею примерно никак. Я быстро вымываю голову — моя ультракороткая стрижка сегодня работает лучшим аксессуаром — и открываю обучающее видео в телефоне. Всё оказывается куда проще, и велосипед изобретать не приходится. Красотки-девчонки из интернета давно открыли тайну: обводишь глаз как попало чёрным карандашом, а потом просто растираешь пальцем, размазывая карандаш по верхнему и нижнему веку — и вуаля, подружка главного героя готова!

Натягиваю мини-юбку, чёрную футболку и осматриваю себя в зеркале. Конечно, не Сильвия Вайс, но тоже ничего. Все мои недостатки компенсируются длинными ногами, поэтому обуваю каблуки, чтобы уж совсем не дать никому шанса проглядеть их, и накидываю пальто.

— Джули, ты просто тысячу раз вау! — Флоренс бросает-

ся ко мне с объятиями прямо у дверей ресторана.

Я оглядываю её наряд и не сразу узнаю знакомый образ — Эффи Тринкет из «Голодных игр».

— Ничего себе, Фло! Тебе безумно идёт! — искренне восхищаюсь я. Видно было, что над костюмом она корпела не один вечер.

— Ой, могло быть и лучше, — смеётся подруга, поправляя сложный воротник. — Я так намучилась с этой белой пудрой! — С неподражаемой интонацией она вскидывает руку: — «И пусть удача всегда будет с вами!»

Мы смеёмся и ныряем внутрь сквозь тяжёлую дверь.

Вход в ресторан утопает в композициях из гигантских оранжевых тыкв, а в залах царит синеватый полумрак. На столах вместо привычных салфетниц красуются вазочки с траурными чёрными каллами — некоторые уже свесили бутоны, словно кланяясь гостям, — и массивные подсвечники с потёками толстого воска. Это была элегантная готика, лишённая дешёвого пластикового мусора вроде светящихся скелетов.

Сара, у которой язык работает гораздо быстрее головы, рассекает в костюме летучей мыши с крошечными крыльями и короткой накидкой, едва прикрывающей её худые бёдра, и вовсю трётся возле Эллиота. Сам он возвышается у барной стойки в плаще Дракулы — ну верх оригинальности! Чуть дальше я замечаю Рикко в образе Чистильщика из «Леона»: в круглых тёмных очках-тишейдах он выглядит настолько

органично, что я не узнаю его с первой секунды.

— Рикко! — с визгом кидаюсь на шею старому другу.

— Ого, какие люди, — он мягко треплет меня по волосам, улыбаясь. — Отлично выглядишь, Джули. Увольнение пошло тебе на пользу, да?

— Ещё бы, — киваю я.

— А как с поисками новой работы? Нашла что-то приличное?

— Да никак, — морщусь я. — Не хочу соглашаться на копейки после того оклада, что был здесь.

— Зря ломаешься. Эллиот недавно вспоминал о тебе, между прочим.

Открываю рот от изумления. Эллиот?

— Ну, он вряд ли согласится ещё раз на такое... Наверное, после моих выкрутасов ему потребовался психиатр, чтобы справиться с гневом.

— Поговори с ним. Деньги рано или поздно заканчиваются, и тогда кто знает, на какую работу тебе придётся согласиться, — мрачно бросает Рикко.

— Не переживай, я что-нибудь придумаю. — Хлопаю бармена по плечу и спешу к Флоренс.

Подруга стоит в плотном кольце официантов и весело обсуждает посетителя, который вчера напился виски и принялся угощать всех за свой счёт. Только вот денег у него едва хватало оплатить собственный заказ, поэтому он звонил маме и громко пытался занять у неё денег. Я, как и все, смеюсь

над этой историей.

— Пойдём выпьем! — тянет меня к бару Фло, и я без всяких уговоров лечу к стойке за порцией джина.

— Малышка Джули сегодня в ударе! — рядом возникает Сара, от которой за версту разит дорогим шампанским и сигаретным дымом. Глаза у неё лихорадочно блестят. — Ну и как тебе без работы, не побираешься ещё?

— Сара, тебе какое дело?

— Да просто интересуюсь. Элементарная вежливость, знаешь ли, не порок, — скалится она в ответ.

— Нормально, — отвечаю я с намеренно натянутой улыбкой.

Надеясь, что разговор окончен, я демонстративно отворачиваюсь, но краем глаза замечаю, что Сара всё ещё смотрит на меня с ухмылкой.

— А твои? — вздыхаю я, понимая, что она не отстанет, пока не получит своего.

— Спасибо, что спросила. Мои дела точно лучше твоих, — хихикает девушка и командует бармену: — Два виски! Знаешь, я всё-таки работаю, не сижу без денег и всё такое, — обращается она уже ко мне.

— Тебе-то откуда знать, как я живу?

— А, так у тебя не всё так плохо? Тогда правильно, что решилась, — одобрительно кивает Сара.

— На что?

— Ну, помнишь ту милашку, из-за которой тебя уволили?

Она же тогда предложила тебе пойти работать на панель. А раз у тебя всё прекрасно с финансами, думаю, ты согласилась, — подмигивает мне девушка. — За шлюшку Джули! — восклицает Сара, отпивает из бокала виски, разворачивается на каблуках и уходит, оставив меня стоять с раскрытым ртом.

Да уж, это абсолютно в духе Сары, так что на её слова мне по большому счёту всё равно. Единственное, что хочется крикнуть ей вслед — так это то, что уволили меня вовсе не из-за той блондинки. Ну, разве что совсем чуть-чуть, а в остальном я сама, своим честным трудом добилась того, что у Эллиота лопнуло терпение. Но я быстро отмахиваюсь от этой мысли: в конце концов, я больше здесь не работаю. Пускай распускает слухи сколько влезет, меня это не касается. Я пришла сюда расслабиться — а значит, буду расслабляться.

Остаток вечера пролетает на одном дыхании. Мы с Флоренс гоняем на брудершафт жутковатые зелёные коктейли, хохочем над чьими-то абсурдными костюмами и уплетаем мягкие моти в виде пауков, прилипающие к нёбу. Под ревущий из колонок саундтрек «Охотников за привидениями» мы выплясываем в центре зала, а потом снова и снова сбегаем на прохладный воздух — поболтать и выкурить по сигарете.

— Сара — дрянь, не обращай на неё внимания, — раз за разом повторяет подруга.

— Да она весь вечер клеится к Эллиоту. Наверное, рас-

считывает на повышение.

— Интересно только, как именно она собирается его выпрашивать. Стоя на коленях? — рассуждает пьяная подруга.

— Ну, или сядет сверху на бедного Эллиота и будет скакать до тех пор, пока бедняга совсем не ослабнет и не сдастся под её напором.

Из-за алкоголя мы совсем перестаём следить за языком. Несчастный Эллиот — слышал бы он, как мы перемываем ему косточки!

— Я бы и сама от чего-нибудь подобного не отказалась, — мечтательно вздыхает Фло.

— А как же твой этот... Сэм, кажется? Вот сейчас вечеринка закончится, поедешь к нему и повеселишься.

— Ага, мы бы повеселились, если бы он до сих пор не сох по своей бывшей, — произносит Фло.

— Мне жаль, — сочувственно отзываюсь я. — Все парни — козлы, так ведь? — Я хлопаю подругу по плечу, пытаясь хоть как-то заставить её оживиться.

— Наверное, — пожимает она плечами.

— Только не говори, что уже нашла другого, — в шутку предупреждаю я. — Иначе я этого просто не вынесу!

Флоренс лишь хитро смотрит на меня, а затем цапает за руку и утаскивает в центр зала.

Мы выпиваем ещё по коктейлю. Я уже перестаю разбирать, с кем общаюсь, и направо и налево разбрасываю глупые шутки, абсолютно не думая о том, что обо мне подумают.

Эллиот весь вечер то и дело бросает в мою сторону тяжёлые взгляды, пока под конец я просто не показываю ему средний палец. Плевать! Завтра половина из них даже не вспомнит, что на этой вечеринке вообще появлялась какая-то Джули Коффин — долговязая, с копной растрёпанных рыжих волос и ярко-красными от холода и коктейлей щеками.

В какой-то момент я перестаю трезветь на морозном воздухе, когда мы выходим курить, и понимаю: с меня хватит. Я тихонько снимаю пальто с вешалки и собираюсь смыться с вечеринки, попрощавшись только с Фло. Вглядываясь в толпу пьяных бывших коллег, я никак не могу её разглядеть. Логично рассудив, что подруга может быть только в одном месте, я направляюсь к уборным, но врастаю в пол в паре шагов от входа, онемев от шока.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — узнаю я пьяный голос подруги.

— Вообще-то я думал, ты обрадуешься, — усмехается мужчина, чьего голоса я не узнаю. Это что, тот самый новый парень Фло?

— Я же ясно тебе сказала больше сюда не приходить! — шипит на незнакомца подруга.

— Ты много чего говоришь, когда напиваешься, — парирует мужчина.

Наступает напряжённая тишина. Я уже успеваю подумать, что они оба просто вырубились там, среди унитазов и раковин, но тут снова раздаётся голос Фло:

— Что ты так пялишься?

— Да просто так, — хмыкает мужчина. — Пытаюсь прикинуть, какая версия тебя сегодня настоящая, вот и всё.

— Не прикидывайся идиотом! Ты прекрасно знаешь, что тебе нельзя здесь находиться.

В ответ звучит короткий смешок, а в следующее мгновение что-то с глухим грохотом ударяется о стену.

— Отпусти меня! — кричит Фло, и я уже порываюсь шагнуть внутрь, когда мужчина произносит:

— Не смей говорить со мной в таком тоне. И не прикидывайся, будто тебе не нравится то, что происходит.

— То есть ты считаешь, мне приятно, когда мне заламывают руки?! — выкрикивает подруга, но мужчина лишь снова усмехается:

— Ты опять драматизируешь! Я пришёл на эту вечеринку к своей девочке, чтобы классно провести время. А ты сейчас всё портишь своими истериками.

— Мы оба знаем, зачем ты сюда пришёл, — с обидой произносит подруга.

И я впервые слышу, чтобы моя Фло — всегда такая яркая, саркастичная и непоколебимая — говорила с такой непривычной, детской беспомощностью. От этого контраста мне становится по-настоящему не по себе.

— Ну что ты такое говоришь? — ласково обращается к ней мужчина.

От этой бархатной интонации волосы на загривке встают

дыбом.

Эта мягкость, с которой он обращается к Фло, почему-то не успокаивает, а, наоборот, заставляет напрячься. Но я отгоняю от себя это ощущение, списав всё на собственное больное восприятие.

— Я здесь только ради тебя, — мурлычет мужчина.

— Правда? — в голосе подруги тут же появляется надежда, которую она даже не пытается скрыть.

— Я разве когда-то обманывал тебя?

Подруга молчит, из-за чего мужчина снова взрывается:

— Отвечай, когда спрашивают! Господи, до чего ты глупая! Да, мне действительно не стоило приходить сюда. Я отпросился с работы, чтобы провести время с тобой, но, видимо, у тебя другие планы. Иди, нажирайся в компании этих официантов, которые то и дело раздевают тебя глазами! Я на это смотреть не собираюсь.

— Меня никто не раздевает глазами, о чём ты вообще говоришь? И я не просила тебя отпрашиваться с работы! Зачем винить меня в этом?

— О, ну да. Чего ещё ожидать от глупой блондинки? Не благодарности же, верно? Скажи спасибо, что мы всё ещё вместе. После твоих выходок я мог бы уйти сразу.

— Каких выходок? — в голосе Фло слышится непонимание.

— О боже, только не прикидывайся дурочкой! Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю. Мы так не договарива-

лись, Фло. Ты должна делать только то, что я скажу, но ты вдруг решила, будто знаешь, как лучше.

— Я не знаю, как так вышло... — тихо бормочет подруга.

— Ты всё прекрасно знаешь! И сделала это только из своей тупой и жалкой ревности.

Дверь распахивается, и я инстинктивно отступаю назад, прячась в тени у самого поворота коридора.

Из уборной стремительно вылетает мужчина — я успеваю заметить лишь тёмную куртку и затылок, скрытый под глубоким капюшоном. В синем приглушённом свете зала и среди ряженых монстров его силуэт выглядит чужеродной тенью. Он не замедляет шаг, не оборачивается и за пару секунд растворяется в пьяной, орущей толпе.

— Стой! Пожалуйста, прости меня!

Следом выбегает Флоренс — с размазанной по щекам тушью, растрёпанная, потерянная. Она не замечает меня и бросается в ту сторону, куда только что скрылся незнакомец. Я невольно отвожу взгляд. Меньше всего мне хочется, чтобы такую женщину, как Флоренс, сломал мужчина, у которого явные проблемы с контролем гнева и ничем не прикрытый нарциссизм.

Нужно будет обязательно поговорить с Фло и помочь ей выбраться из этих отношений. Возможно, придётся рассказать свою историю — ведь я как никто другой знаю, что значит столкнуться с психом лицом к лицу. И что хуже всего — в собственном доме.

ГЛАВА 3

Я выхожу из ресторана, и ночной воздух тут же обжигает лёгкие — прохладный, чистый, хрустальный. К ночи холодает окончательно, и я уже успеваю пожалеть о выборе слишком короткой юбки: ледяной ветер безжалостно щиплет голые ноги.

Достаю сигарету, зажимаю её в зубах и пытаюсь нащупать в кармане зажигалку. Но пальцы — онемевшие от пронизывающего октябрьского холода и нескольких бокалов вина — совсем не слушаются. Колёсико соскальзывает раз за разом. Я делаю глубокий вдох, начиная всерьёз раздражаться на собственную беспомощность и эту дурацкую штуку, которая отказывается выдавать искру.

И вдруг совсем рядом, буквально в шаге от меня, раздаётся тихий щелчок.

В темноте вспыхивает трепетный язычок пламени, на секунду выхватывая из мрака длинные танцующие тени и принося неожиданное тепло.

Я уже готова вознести благодарность небу за ангела с зажигалкой, явившегося в самый нужный момент.

Не поднимая глаз на своего спасителя, я подаюсь вперёд, прикрывая огонь ладонями от порыва ветра. Наклоняюсь ближе, прикуриваю сигарету и с наслаждением затягиваюсь. Горьковатый дым приятно обжигает горло, на мгно-

вение прогоняя оцепенение, и я с выдохом отпускаю его в синеющую ночную темень.

— «Я хочу жить полной жизнью, не считая оставшиеся у меня минуты», — произносит незнакомец низким, бархатистым голосом.

— М? — я поворачиваюсь к нему.

— Это цитата из фильма, — поясняет он.

— Какого ещё фильма? — я глупо кошусь на парня, всё ещё с трудом собирая мысли в кучу.

— А вы разве не Сильвия Вайс? — улыбается мужчина. — Если нет, то простите, я просто несу чушь.

— Ах, вы об этом! — я нервно смеюсь над собственной заторможенностью. — Сама уже забыла. У меня из всего костюма — только эта стрижка да чёрные тени на глазах, — торопливо оправдываюсь я.

— А вы, я смотрю, вообще не заморачивались? — я смеряю его взглядом с ног до головы. Высокий, в таком же тёмном пальто, а из праздничных атрибутов на нём — лишь чёрная маска Зорро.

— Да уж, в последний момент вспомнил о вечеринке, — виновато разводит руками мужчина.

— Понимаю. Меня вообще пригласили за два часа до начала, — пожимаю плечами.

Сигарета уже истлевает, и я собираюсь вежливо закончить этот диалог, когда незнакомец вдруг тихо спрашивает:

— Мы с вами нигде раньше не встречались?

Я думала, эта дурацкая мысль посетила только меня.

— Не знаю даже, — честно отвечаю я. — Возможно, в этом ресторане? — Я коротко киваю на тяжёлые двери за своей спиной. — Я работала здесь официанткой довольно долго. Но, простите, запомнить каждого гостя просто нереально.

Я тушу окурок о край урны и виновато улыбаюсь.

— Честно говоря, я здесь впервые. Так что смею предположить, это было где-то в другом месте. — Улыбка мужчины становится шире. — Как вас зовут?

Сердце делает дикий кувырок и уходит в пятки. Что, если этот человек из моей прошлой жизни? Что, если его подослали, чтобы наконец со мной разделаться?! Я панически оглядываюсь по сторонам и с ужасом осознаю: во дворе только я и он. Ни одного свидетеля. Никого.

— Вы знаете... мне пора.

Быстрым шагом я устремляюсь прочь со двора ресторана, спеша выскочить на оживлённую улицу, чтобы поскорее оторваться от назойливого незнакомца. В голове мелькает мысль: Господи, Джули, если тебе просто показалось и это обычный парень, решивший подкатить с банальным «Мы нигде не встречались?», ты сейчас выглядишь как конченая психопатка.

Но тут за спиной раздаются торопливые, частые шаги. Я понимаю, что мне не показалось, и срываюсь на бег.

— Да стой же ты! — нагоняет меня парень и больно сжи-

мает моё запястье.

Дикий страх накрывает с головой. Я ору во всю глотку, пытаясь привлечь хоть чьё-то внимание:

— Помогите-е!

— Джули! — вдруг роняя моё имя, выдыхает преследователь.

Я моментально трезвею.

— Вы обознались! — я отчаянно прячу лицо в волосах, чтобы он не смог меня разглядеть, хотя именно они и выдают меня с потрохами.

— Стой, подожди! — он перехватывает мою вторую руку, которой я пытаюсь натянуть шарф на лицо.

— Помогите! — кричу я снова, но голос срывается, а прохожие на другой стороне улицы лишь ускоряют шаг.

— Джули, это я! — уже тише, почти с мольбой проговаривает мужчина. — Райан.

Я резко оборачиваюсь, всё ещё отказываясь верить в происходящее. Это просто какая-то изощрённая игра, попытка выбить меня из реальности, чтобы я окончательно съехала с катушек и со мной можно было сделать всё что угодно. Райана больше нет — я это знаю. Но от одного звука его голоса меня будто возвращает в прошлое.

Нет, этого не может быть. Это не моя реальность.

Был только один способ всё проверить. Шагнув к мужчине, я одним быстрым движением срываю с него чёрную маску, полностью открывая его лицо.

И замираю.

Я смотрю на человека, которого знала всю свою жизнь. Сердце узнает его раньше, чем разум успевает принять невозможное. Он практически не изменился — разве что стал ещё выше и плечистее. Чёткие, выразительные черты лица, которые всегда несли в себе спокойную уверенность; прямой аристократичный нос; полные, чуть капризные и чувственные губы, контрастировавшие со строгим образом. Его лицо, как и раньше, кажется выточенным из мрамора.

Я не могу поверить собственным глазам и продолжаю глупо пялиться на него. Райан стоит всего в нескольких шагах от меня — пугающе прежний. Он больше не призрак. Он снова мужчина, которого я когда-то любила, а потом оплакивала. В этот миг я готова расплакаться от захлестнувшей радости: просто от того, что снова вижу его, стою рядом и смотрю в его глаза. Я уже и не надеялась, что мы сможем встретиться — если только на том свете.

— Что, не рада меня видеть? — хмыкает он.

Но он ошибается. Ему я рада всегда.

— А ты рад? — я смотрю на него с опаской, но одновременно мне хочется броситься ему на шею, расплакаться и уткнуться в плечо. Увидеть в его глазах прежнюю любовь.

Только вот теперь всё становится в разы сложнее. Получается, я бросила его тогда. Уехала, не сказав ни слова, потому что была уверена, что его больше нет в живых. Но как я могла признаться ему сейчас? Сказать, что целых пять лет

считала его мёртвым... и всё из-за меня? Проще притвориться обыкновенной трусихой, которая сбежала по непонятным причинам и даже не попыталась его искать.

От меня не укрывается, как жадно Райан рассматривает моё лицо — словно не веря собственным глазам, будто я сама — привидение, выбравшееся из своего мира поглазеть на тыквы и прогуляться в праздник.

— Больше удивлён, — только и произносит он.

Я киваю, сглатывая подступивший к горлу ком. Понимаю: радости от нашей встречи у него быть не может.

Мы отходим от шумной части улицы и зажигаем по сигарете. Оба молчим. Я перебираю бахрому шарфа, не зная, как начать диалог, но отчаянно понимаю: сделать это необходимо. Иначе мы докурим, и он снова исчезнет из моей жизни. А как пережить это во второй раз, когда я только что увидела его живым и невредимым, я просто не представляю.

— Как ты тут оказался? — спрашиваю первое, что приходит в голову.

— Пришёл с другом, — пожимает плечами Райан.

— Я не об этом. Как ты оказался в Бостоне?

— А, ты об этом... После Уильямстауна не знал куда податься, а потом отец открыл своё дело, взял меня к себе, и вот теперь мы разъезжаем по разным городам. Бостон, кстати, оказался первым городом, где мы задержались, — парень подносит сигарету к губам и делает затяжку.

— Понятно. Я рада, что ты всё-таки уехал из Эшворда.

Тебе всегда там было не место.

— Как и тебе, — с затаённой печалью в голосе произносит Райан, и я снова киваю.

Я смотрю на него как заворожённая, раз за разом ловя себя на мысли, как сильно скучала по нашим разговорам. Раньше мы могли часами бродить по улицам нашего городка и болтать без умолку обо всём на свете, не замечая времени. А сейчас мы оба застыли, словно боясь спугнуть хрупкую иллюзию, поэтому просто стоим рядом, курим эти ментоловые сигареты и смотрим в темноту. Нам обоим есть что сказать, и одновременно — абсолютно нечего. Но сделать шаг в сторону, чтобы наконец разойтись, никто из нас так и не решается.

Нужно было как-то спасать ситуацию, пока тишина окончательно не задавила нас.

— Райан, слушай... — я сглатываю, пытаясь подобрать слова, которые не прозвучат жалко. — Прости, что тогда всё так вышло. Я не знаю, чем думала, когда сбежала, не попрощавшись. Просто... я больше не могла находиться в том доме. Если тебе станет легче... я до сих пор расхлёбываю последствия.

— С чего мне должно стать легче?

Я решаюсь поднять голову и посмотреть на него. И снова, как в юности, сталкиваюсь с его мягким, но пронзительным взглядом, от которого всегда теряла голову и способность здраво мыслить.

— Не знаю, — выдавливаю я, проклиная себя за собствен-

ную беспомощность. Мысли путаются, язык не слушается, и я отчаянно боюсь ляпнуть какую-нибудь глупость. Хотя даже глупость лучше этих сухих, односложных ответов в разговоре, о котором я грезила столько лет. И вот, пожалуйста: Джули Коффин в своём репертуаре — снова тормозит на ровном месте, превращаясь в испуганную девчонку.

— И я не знаю, — тихо произносит Райан, отводя взгляд в сторону.

Мы снова замолкаем. Нас разделяет пропасть длиной в пять долгих лет, полных боли и неведенья. Я всё ещё не верю, что он реален, и время от времени бросаю на него короткие взгляды — проверяю, не сошла ли я с ума окончательно, не стою ли под уличным фонарём в обнимку с собственной фантомной болью.

— Тебя проводить? — его вопрос выдирает меня из оцепенения.

На секунду мне кажется, что я ослышалась. После всего, что произошло, он не пытается уйти, а предлагает дойти со мной до дома?

Или это просто элементарная вежливость, Джули? Спустись на землю, ты не в сказке, — отрезвляет внутренний голос, защищая от ложных надежд.

— Проводить, — выдыхаю я, цепляясь за этот призрачный шанс продлить мгновение. — Только топать минут тридцать, если не больше. Уверен, что всё ещё хочешь?

— Помнится, мы нахаживали и больше. — Райан чуть

прищуривается, подмигивает и неожиданно улыбается.

Может, ещё не всё потеряно? — вспыхивает где-то глубоко в сердце упрямая, запретная искра. Я прячу лицо за прядями волос, пытаясь не растаять от этой неожиданной теплоты. До сих пор не укладывается в голове: увидев меня воочию, он не развернулся, не бросил в лицо упрёк, а просто шагает рядом, возвращая меня в ту жизнь, которую я давно похоронила.

— Ну а всё-таки, — я собираю всю волю в кулак и снизу вверх заглядываю ему прямо в глаза. — Ты рад? Нашей встрече?

— Да. Я рад тебя видеть, Джули, — произносит он ровным, обволакивающим тоном.

И я таю. Окончательно и безвозвратно, прямо здесь, посреди хэллоуинской суеты. Губы сами расплываются в мягкой улыбке, которую я прятала от всего мира целую вечность.

— Я тоже рада. Честно.

— Рад это слышать, — его улыбка становится теплее.

— А я рада, что ты рад это слышать! — хихикаю я, и Райан подхватывает мой смех, разряжая накопившееся напряжение.

Ночной Бостон дышит осенним холодом, ментоловым дымом и особым, ни на что не похожим очарованием старой Новой Англии. В эту хэллоуинскую ночь город кажется ожившей декорацией к готическому фильму. Мы идём

по мощёным тротуарам Бэкон-Хилла, где в старинных чугунных фонарях трепещет тёплый медовый свет, разгоняя густые тени от величественных краснокирпичных особняков. На резных крыльцах и подоконниках полыхают «фонари Джека» — изрезанные тыквы светятся изнутри зловещим оранжевым и фосфорически-зелёным, отбрасывая на тёмный асфальт причудливые узоры. Картина идеальная — хоть сейчас запускай титры голливудской мелодрамы. Только в нашей версии сценарий писал сумасшедший.

— Фух, я правда так распереживалась сначала, — честно признаюсь я, прижимая ладонь к груди, чтобы унять учащённый пульс.

— Если честно, я тоже, — хмыкает Райан, засунув руки в карманы пальто. — Не думал, что мы вот так столкнёмся. Ты сиганула в темноту так резво, будто я шёл с ножом наперевес.

— Конечно, я испугалась! Какой-то незнакомец в маске преследует меня по тёмным переулкам. Ты бы на моём месте что подумал? — я шутливо пихаю его локтём в бок. — Да и потом... ты так смотрел на меня.

— Как?

— У тебя был такой вид... думала, ты сейчас скажешь что-то вроде: «О, Джули, ты в Бостоне? А я-то думал, ты давно в аду», — неумело пародирую его низкий тембр.

— Да ну брось, — качает головой Райан, но в его глазах мелькает тень.

Я смотрю на его профиль и отчётливо понимаю: я могла

бы изучать эти черты вечность.

— Просто ситуация одновременно нелепая, странная и...

— Долгожданная? — неожиданно для самой себя тихо произношу я.

Райан на секунду замирает. Он останавливается, опуская взгляд на мои губы, и у меня внутри всё переворачивается, на мгновение лишая возможности дышать. В его глазах разгорается что-то томное, сложное и глубокое, от чего воздух между нами сгущается. Но в следующую секунду он легко усмехается, мастерски отступая назад, и поправляет воротник пальто:

— Не думаю, что это правильное слово, Джулс. Мы же не договаривались встретиться спустя пять лет, чтобы сейчас сказать: «Ну надо же, наконец-то». Скорее подходит слово «сумасшествие». Встретиться в самом центре Бостона на готической вечеринке, разодетыми как персонажи из фильмов...

— И правда, безумие... — тихо отзываюсь я, наблюдая, как резкие тени от фонарей очерчивают его скулы и сильный, упрямый подбородок. Годы сделали его старше, жёстче, но эта улыбка... она всё ещё принадлежит моему прошлому.

Навстречу нам из тёмного переулка вываливается шумная компания: две захмелевшие «ведьмочки» в остроконечных шляпах и парень в гриме Франкенштейна. Они громко хохочут, выкрикивают пошлые шутки и передают по кругу полупустую бутылку виски.

— Может, выпьем? — предложение с языка слетает быстрее, чем я успеваю включить тормоза.

И тут же к горлу подступает горячий, дурацкий стыд. Господи, Джули, заткнись!

— Прости! — торопливо машу рукой, чувствуя, как к щекам приливает жар. — Забудь, глупая идея. Тебе наверняка нужно домой, да и я...

Райан останавливается. Уголок его губ едва заметно дёргается в усмешке — так он улыбался всегда, когда собирался отпустить едкий комментарий, — и скрещивает руки на груди, изучая меня долгим, внимательным взглядом. Я уже готова провалиться сквозь землю, но он вдруг качает головой, явно забавляясь и произносит:

— Я вообще-то не против, — он легко пожимает плечами. Холодный порыв ветра с залива треплет его тёмные волосы, но он даже не обращает внимания, не сводя с меня глаз. — Я знаю один бар тут неподалёку. Называется «Тихий узел». Слышала о таком?

— Нет, я предпочитаю напиваться дома в гордом одиночестве, — хихикаю я, сбивая градус собственного смущения. — Но название — то, что нужно. Главное, чтобы там действительно было тихо, а то от клубных басов голова уже трещит. — Я морщу носик и снизу вверх смотрю на него.

— Тогда пошли, — мягко, но не оставляя возражениям шанса, произносит он.

Райан шаг за шагом сокращает между нами дистанцию,

подходит вплотную — так, что я чувствую исходящее от него тепло, — и просто берёт меня за руку. Его пальцы — большие, тёплые, мозолистые — сжимают мою ладонь.

Он сплетает наши пальцы — не так, как делают парни на неловких первых свиданиях. Он держит меня крепко, уверенно и по-хозяйски. Как держат самое ценное, что боятся потерять в толпе, или непоседливую девчонку, за которой нужен глаз да глаз, чтобы она не выскочила под колёса.

От него пахнет осенью, дорогим парфюмом, табаком и чем-то исключительно его — родным и до боли знакомым. В этом взрослом мужчине всё ещё угадывается тот самый парень, с которым мы когда-то могли просто молчать часами. И от этого контраста между его мужской силой и нежной, сдержанной заботой у меня кружится голова.

Я не строю планов. Просто позволяю себе этот вечер — осторожно пробуя его на вкус, как капли крови с разбитой губы: аккуратно проверяя, насколько саднит старый рубец, и до смерти боясь расковырять его заново. Но боль отзывается тупым пульсом, а значит, я всё ещё существую. В конце концов, это было единственным способом убедиться, что я жива.

***

«Тихий узел» прячется в подвальном помещении на стыке старых кварталов Бостона. В такую буйную, разноголосую

ночь заведение на удивление пустует, встречая нас полумраком и приглушённой, бархатистой джазовой волной. Вдоль стен из тёмного кирпича тянутся винтажные бра с абажурами из матового стекла, отбрасывающие на дубовые столики янтарный свет. В воздухе витает запах потёртой кожи, сухих дубовых бочек и горьковатой апельсиновой цедры.

Да, Райан определённо не прогадал. Это место кажется обособленным островком безопасности, спрятанным от уличного безумия.

Мы делаем заказ, и над нашим столиком снова повисает пауза — неловкая, натянутая как струна. Я тихонько качаю головой в такт музыке, пытаясь спрятаться от смущения за плавными руладами саксофона.

Первым тишину нарушает Райан:

— Всё ещё любишь джаз? — тихо спрашивает он, отпивая из бокала.

— Обожаю. Особенно когда рисую. В нём никто никому ничего не должен. Каждый музыкант гнёт свою линию, но вместе получается что-то безумное. Я и в живописи точно так же: накладываю цвет слой за слоем, пока холст не впитает всё, что кричит в душе.

— У тебя всегда был хороший вкус, Джулс, — он произносит это мягко, но взгляд его становится тяжелее. Райан подаётся чуть вперёд, опираясь локтями о стол. — Ты сказала, что работала в том ресторане. Почему ушла?

Я скривила губы. Признаваться, что меня выставили на

улицу, казалось унизительным, но врать ему в лицо было ещё хуже.

— Меня уволили.

— За что? — Райан слегка приподнимает бровь. — Ты разбила половину посуды на кухне?

— Не угадал, — я вздыхаю и поджимаю губы, сгорая от стыда. — Я решила не унижаться перед одной крикливой гостьей и заодно послать босса.

— Ого, — он тихонько смеётся, рассматривая меня с нескрываемым интересом. — И в чём же ты провинилась?

— Проиграла подруге желание. Пришлось просить номер у первого попавшегося парня. И этот первый попавшийся оказался занят как раз той девушкой.

— Серьёзно? — Райан снова смеётся. Этот звук протыкает меня насквозь. — И из-за этого такой скандал?

— Не смешно! — фыркаю я, хотя губы сами ползут вверх. — Я чуть со страху не умерла, пока шла к нему!

— Джули, да ладно тебе. Ты? И испугалась подойти к парню?

— Да я сто лет ни с кем не знакомилась! Отвыкла. И... и чувствую себя идиоткой в таких вещах.

Улыбка на лице Райана гаснет моментально. Будто кто-то щёлкает выключателем.

— Да неужели? — с горькой усмешкой произносит он. — Видимо, весь лимит твоей храбрости исчерпался в семнадцать.

Воздух между нами будто выкачивают насосом. Лёгкий разговор рассыпается в прах.

Да, он имеет полное, неоспоримое право ненавидеть меня после всего, что я сделала. Его слова лишь малая часть того, что я заслуживаю. Но почему тогда сейчас внутри всё так безжалостно разрывается от боли?

— Мне... наверное, пора, — я торопливо встаю с дивана и принимаюсь натягивать пальто, которое ещё десять минут назад Райан так галантно помогал мне снять.

— Джули, подожди, я не это хотел сказать...

— Ты сказал ровно то, что думаешь, — обрываю я его, не давая ни единого шанса загладить вину.

Трясущимися руками наматываю шарф и выбегаю из бара на сырой, пронизывающий осенний воздух, но уже через секунду за спиной раздаются быстрые, тяжёлые шаги.

— Джули, стой! Чёрт, я повёл себя как козёл. — Он нагоняет меня у угла — и в тот же миг, перехватив за плечо, разворачивает к себе.

Но горячие слёзы уже застилают мои глаза, размывая неоновые огни вывесок.

— Да что ты вообще знаешь?! — я со всей силы выдёргиваю руку и отшатываюсь, вкладывая в этот крик всю накопившуюся за годы боль. — Да! Я сделала тогда свой выбор, и он был далеко не в твою пользу! Но это не значит, что я тебя не любила! Ты хоть на секунду можешь представить, в каком аду я жила? Я просто не могла там больше оставаться.

И ломать тебе жизнь я тоже не хотела!

Я разворачиваюсь, собираясь бежать дальше, но Райан перехватывает меня снова, намертво впечатав ладонь в кирпичную кладку стены у меня за спиной, не давая уйти. Его дыхание сбивается, голос срывается до хрипа:

— Ты просто исчезла! Ты понимаешь это?! Я думал, ты мертва! Как и Маргарет! Я приходил к твоему дому каждый день и смотрел в пустые, тёмные окна. Там больше никто не жил с той самой ночи, когда ты испарилась!

— Я не знаю, что было потом... Меня там уже не было.

— Если ты чего-то боялась, ты могла прийти ко мне! Ты знала, что я сделаю всё! Но ты предпочла сделать вид, будто тебя никогда не существовало. Ты даже не попрощалась, Джули!

— Я не могла попрощаться с тобой, Райан! — я уже рыдаю в голос, теряя последние остатки гордости и контроля. — Ты думаешь, я не жалею?! Да я бы всё на свете отдала, чтобы остаться с тобой!

Мне хочется закричать ему в лицо: «Да я тоже похоронила тебя! Ты же умер, что, не помнишь?!» — но в самый последний момент я прикусываю язык до крови, надрывно втягивая носом ледяной воздух.

— Тогда почему ты не осталась? — его голос падает до шёпота. — Ты же знала: со мной ты в безопасности.

— Зато ты со мной — нет! Ты разве не помнишь, что было тогда? Я вот помню! Я видела ту фотографию, Райан! На

ней ты больше не был человеком, ты был кровавым месивом на грязном асфальте! Я решила, что ты умер... И поэтому сбежала. Терять было больше нечего...

До Райана наконец доходит.

— Так этот урод показал тебе фото?.. — произносит он с растерянностью, но моментально взяв себя в руки, прибавляет ход. Он перестаёт суетливо хватать меня за руки и просто шагает рядом. — Джули, всё это больше не имеет значения! Да, он тогда получил своё. Но теперь всё кончено! Мы можем это забыть. Начать заново.

Я останавливаюсь, желая вразумить его.

— Райан, эта встреча свалилась на нас как снег на голову. Я не была готова к этому. И ты тоже. Я всегда тебя любила... но я не могу просто взять и перечеркнуть всё, что произошло.

— И что ты предлагаешь? — он смотрит на меня в упор. — Снова отпустить друг друга?

— Нет, но... нам нужно время. Переварить это.

— Я не собираюсь проводить без тебя ещё недели или годы, — отрезает он. — Нам нужно всё обсудить. У меня миллион вопросов к тебе, и я хочу понять. Мне нужна правда, Джулс. Слышишь? Только правда.

Но я не собираюсь выворачивать свою душу наизнанку. Не будет никаких вопросов и ответов. Я похоронила своё прошлое под толщей бетона и сделала вид, что той жизни не было. Позволить кому-то — даже Райану — вскрывать эти

могилы я не смогу. Это убьёт меня.

— Забудь, — выпаливаю я. — Мне жаль, что всё так вышло. И жаль, что мы снова встретились.

— О чём ты вообще говоришь?! Я увидел тебя спустя пять чёртовых лет, а ты опять включаешь заднюю? Жаль, что встретились? Джули, ты — всё, что у меня было! Мне не жаль. Слышишь? Мне не жаль.

Я закрываю лицо ладонями, чувствуя, как по щекам снова катятся слёзы. В том беспросветном кошмаре он оставался единственным, кто видел во мне человека, а не часть этого грязного дома и пьяной матери. Ему было плевать на мою нищету — он просто вытирал кровь с разбитых губ после очередного скандала, приносил потрёпанные книги и... да господи, он приносил мне даже элементарные прокладки, на которые у меня никогда не хватало денег. Рядом с ним этот холодный мир сжимался до тепла его рук и простых разговоров. Встречи с ним были единственной причиной продолжать дышать.

— Райан... мы слишком разные теперь, — шепчу я. — За эти пару часов мы успели пройти путь от неловких подколов и флирта до настоящей ругани. А ты требуешь от меня невозможного. Моё прошлое — это только моё. Ты и так знаешь слишком много. Зачем тебе лезть глубже?

— Я просто хочу знать, что стало последней каплей. Почему ты сбежала? И что происходило в доме, когда меня не было рядом? Я не прощу себе, если не узнаю.

— Ты просишь слишком многого! — рявкаю я. — Всё, что тебе нужно знать: мне просто осточертела та жизнь!

— Ладно, — выдыхает он, опустив плечи.

— Ладно, — так же тихо эхом отзываюсь я.

Я уже собираюсь развернуться и сделать шаг в сторону, но тёплая, большая ладонь Райана осторожно касается моей щеки. Так бережно, будто он до сих пор не верит, что я перед ним. Тело вздрагивает от неожиданности, разум истошно вопит: «Уходи!», но сердце предательски дрогнуло. Глаза закрываются сами собой, а щека прижимается к сухой коже — безмолвное доказательство: здесь, на этой проклятой улице, настоящая плоть и кровь.

Райан мягко притягивает меня к себе, и моё тело само делает шаг навстречу — оно помнит этот маршрут наизусть.

Его губы накрывают мои властно и жадно. В этом поцелуе нет нежности — только дикая тоска, выжженная за пять лет обида и отчаяние. Пальцы вцепляются в ткань его пальто, сминают шерсть, притягивают его ближе, не оставляя между нами даже миллиметра.

Его ладонь скользит к моей щеке, большой палец едва касается скулы. Я приоткрываю губы, и он углубляет поцелуй, медленно проводя языком по моей нижней губе, прежде чем коснуться моего языка. От этого движения по спине пробегает дрожь.

— Я думала, тебя больше нет... — шепчу я прямо в его горячие губы.

От его дыхания кружится голова, а знакомый с юности запах — хвойный одеколон и сигаретный дым — забивает лёгкие, заставляя забыть обо всем на свете, кроме этих сильных рук, обхвативших за талию, и настойчиво прижимающего к себе тела.

Райан неожиданно отстраняет меня.

— Что не так? — спрашиваю я с обидой ребёнка, у которого только что забрали самое дорогое.

— Ты всё так же невероятно целуешься, — он заправляет выбившуюся рыжую прядь мне за ухо, касаясь пальцами горячей кожи. — Я мечтал об этом с нашего последнего дня. Но я не переживу, если ты снова испаришься, Джули.

— Я не хочу исчезать, — признаюсь я, отчаянно уткнувшись лбом в его грудь и впитывая родное тепло.

— Но ты всё равно это сделаешь, верно? — он берёт меня за плечи и заставляет посмотреть ему прямо в глаза.

— Райан... мы не можем, — шепчу я, а сама невольно подаюсь вперёд, ловя губами его дыхание.

Моё тело предаёт меня каждую секунду. Сердце кричит: «Останься! Обними его, уткнись в его грудь и забудь обо всём!» Я скучала по нему так, что по ночам физически болели рёбра. Но мозг, отравленный страхом, трезво и холодно бьёт в набат: если он узнает о Сергее, о том, что я сделала и через что прошла... он либо возненавидит меня, либо сделает глупость и погибнет.

— Почему? — Его тёплая ладонь на моей щеке — насто-

ящая, сладкая пытка.

— Потому что ты требуешь невозможное! Моё прошлое — это могила, Райан! И если я вскрою её для тебя, мы оба там останемся!

— То есть мы просто сделаем вид, будто ничего не было? — в его голосе звенит горечь.

— Я не готова ворошить это всё.

— Тогда свяжись со мной, когда будешь готова, — он медленно опускает руку. — Я буду ждать. Но пообещай больше не исчезать без следа.

— Я попробую, — вру я прямо в глаза, заранее зная, что сбегу прямо сейчас.

Мы молча доходим до ближайшего незнакомого подъезда. Уходить не хочется катастрофически. Я переминаюсь с ноги на ногу, отчаянно тяну время, лишь бы пробыть в его пространстве ещё хоть мгновение.

— Джули, послушай, — он берёт мои озябшие ладони в свои. — Что бы ты ни решила, ты никогда не была для меня ошибкой. Я хочу, чтобы ты была в моей жизни. Кем угодно. Хотя бы другом.

— А кем мы были раньше, Райан? — несмело спрашиваю я, смотря куда-то сквозь него. — Мы ведь никогда этого не обсуждали.

Раньше всё казалось очевидным без слов: когда он защищал меня от злых языков, когда целовал на поляне среди диких нарциссов, когда вытирал мои слёзы и гладил веснушки.

Но кем мы были на самом деле?

Райан ничего не отвечает. Когда слова заканчиваются — он просто целует.

Подаётся вперёд, снова накрывая губы своими — медленно, глубоко, зарываясь пальцами в волосы и сжимая голову в ладонях. От этого напора мир кренится и идёт трещинами, но сильные руки вовремя подхватывают, не давая осесть на холодный асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.